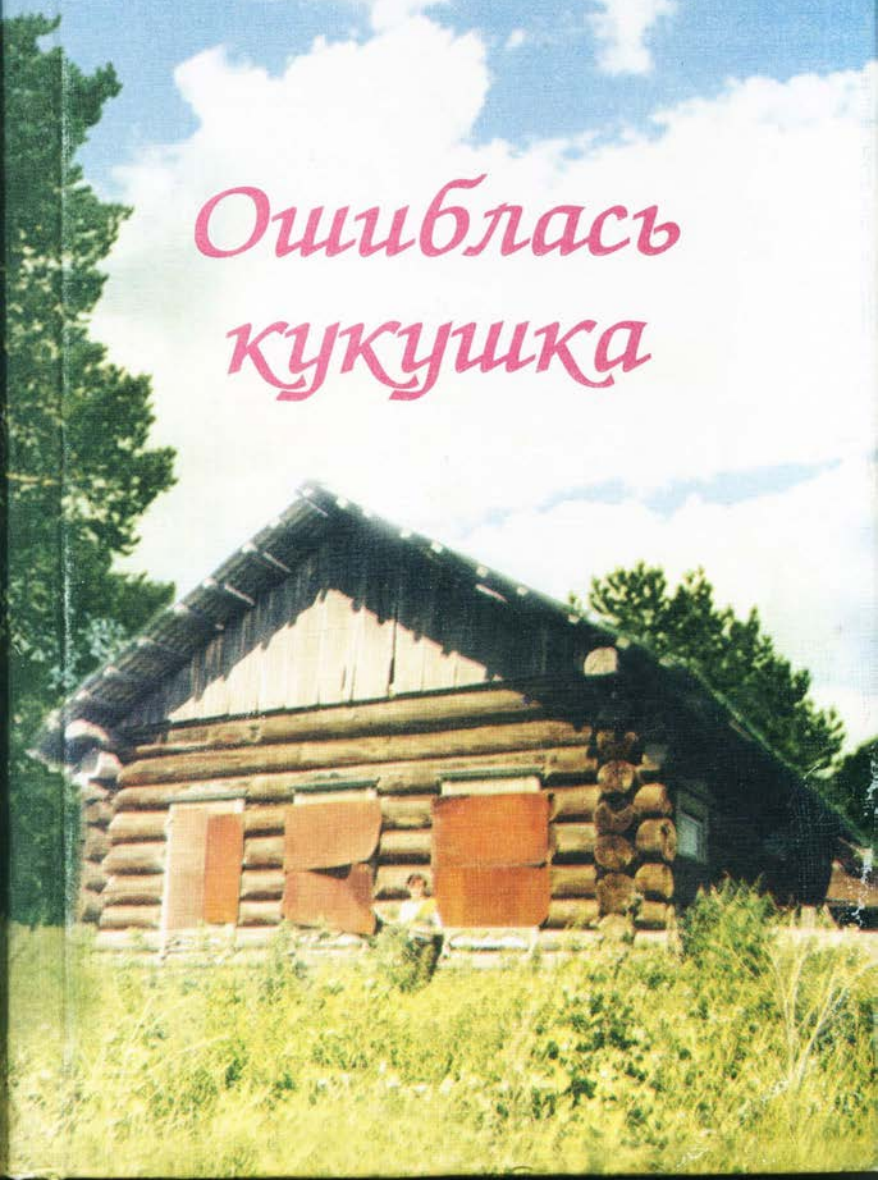

Александра Лазарева

Ошиблась
кукушка

Александра Лазарева

Ошиблась
кукушка

9000462742

А- 2- 3
МУН ЦБС
УРГУТ
12

ББК 84Р7-5

Л17

Лазарева А. В. Ошиблась кукушка. – Шад-
ринск: Издательство ОГУП «Шадринский Дом Пе-
чати», 2007 г. – 136 с.

*Благодарю моих детей и мужа,
подруг Ирину и Ольгу
за материальную помощь
в издании книги*

*СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ МАМЫ,
АННЫ ГОГОЛИНОЙ, И ВСЕХ МАМ
НАШЕЙ ДЕРЕВНИ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатели, вам предлагается уникальная возможность окунуться в мир мыслей с одной стороны неординарного (а как же – пишет стихи!), а в целом доброго, общительного, доверчивого и незлобивого человека – поэтессы Александры Лазаревой.

Русская крестьянка, волей судьбы ставшая жительницей нефтяного мегаполиса, она вся осталась там, в давно сгоревшей деревеньке, пепел которой стучит в её израненном сердце, и каждый её вздох посвящён печальной судьбе сельского хозяйства, разрушенного войнами, перестройкой и дикими набегами неоконкапиталистических варваров.

Но сквозь печаль плачущей на пепелище поэтессы ясно проглядываются ростки оптимизма. Она верит в возрождение русских сёл и стремится сохранить очаги деревенского уклада, того, чего так боятся и ненавидят нувориши и иже с ними (а как на это посмотрит запад?), основ и истоков русской национальной идеи и её носителя – огромного пласта русской литературной культуры.

Боязнь «местечковости» (слово из лексикона новоурбанизировавшихся юдофобов) приводит к отрицанию необходимости наличия регионального компонента в русской поэзии, к занижению его значимости. Можно любоваться голландскими розами и тюльпанами и воспевать их красоту, но надо помнить и о том, что не эта чужая красота, а русская деревня кормила, поила и одевала огромную страну, русские васильки и незабудки вдохновляли народ на трудовые свершения и подвиги. Да и в России растут тюльпаны и розы, да вот беда – некому их выращивать.

Сургутский район до начала нефтяного бума снабжал сельхозпродуктами (капустой, картофелем и продуктами животноводства) весь север округа и Ямал.

Куда всё это подевалось? Тучные стада пошли под нож, пашни заросли сорняками, народ разучился работать на земле, в результате чего выглядят чудачками горожане, выращивающие на своих шести «сотках» сорокакилограммовые тыквы, кабачки и другие овощи, ягоды и даже фрукты.

Александра Владимировна, работая в начальной школе, организовала и украсила сельский уголок – русскую горницу довоенного периода с лавками, самоваром, русской печью, с ухватами и чугунками, рамкой с фотографиями на бревенчатой стене.

Эта увлечённость и разбрасываемость талантом, как это ни парадоксально звучит, мешают ей рассосредоточиться и перейти к общему знаменателю – формированию особого направления национальной идеи в общегосударственном масштабе, но желание сохранить самобытность русского языка и русской эпистолярной культуры присутствуют и в настоящем сборнике, который я рекомендую вам, уважаемые читатели, внимательно прочесть, чтобы осознать свою сопричастность времени и мыслям несомненно талантливой и своеобразной писательницы и её односельчан и друзей, к каким, смею надеяться, отношусь и я.

**Георгий Ешимов – поэт,
член Союза писателей России.**

ТЫ ЖИВЁШЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ, МАМА

Ты живёшь в моей памяти, мама,
В моём сердце, в моей мечте.
Поднимаешься утром рано,
И весь день на ногах, в суете.

Я не помню — чтоб ты отдыхала,
Знать, написано так на роду,
Что не просто ходила — летала,
Разговаривала на ходу.

Всё могла — лес валить топором и пилою,
В дождь и слякоть картошку копать,
Только мало была со мною,
В редкий миг могла приласкать.

А с покоса всегда возвращалась,
Когда солнце ушло отдыхать.
Моя бедная, шла и мечтала:
Вот коров подою, да и спать.

Но заснуть не давали заботы:
Вроде только успела прилечь...
Перед тем, как идти на работу,
Пирожков ребятишкам испечь.

И пишу я об этом с тоскою,
И живу со слезами в глазах.
Всё равно ты осталась со мною,
В моих мыслях, в тревогах и снах.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Мысль тревожна, грустна и упряма
В моём сердце живёт о тебе:
Как живёшь ты, милая мама?
Как ты там, в деревенской избе?

Смотришь ты сквозь оконные рамы
На дорогу, в далёкий район.
Кто-то едет. К тебе или прямо?
Не сынок ли? И снова не он.

Ты озябшие руки согреешь,
К русской печке ладони прижав.
Заболела. Болеть не умеешь,
Все земные законы поправ.

Каждый день тебе долог и труден.
И не в радость пришедший март.
Что там было? Что ещё будет –
Вновь разложишь колоду карт...

И опять не ложишься упрямо.
От волнений болит голова.
Чтоб тоску излечить твою, мама,
Что сказать мне? Какие слова?

НЕ ОПОЗДАЙТЕ

Все мы просто взрослые дети,
И, как дети, мечтаем о том,
Что нас снова приветливо встретит
Милый сердцу Родительский Дом.

Добрый взгляд сквозь оконные рамы,
Это нас наши матери ждут.
Губы сжаты в надежде упрямой:
Вот окликнут. Вот позовут.

И в толпе на районном вокзале
Ищут цвет наших платьев и кофт.
И пускай ничего не писали,
Вдруг приехали так, без звонков?

Сколько их, этих взглядов тревожных,
Что умеют и верить, и ждать?
Неужели это возможно:
Обмануть их, слукавить, предать?

То не ставни скрипят одиноко,
То не шифер стучит по избе.
То состарились мамы до срока
От тоски. По тебе и по мне.

Апрель, 1995 г.

МАМЕ

Опять друзья уехали на юг,
Где море чудное и ласковое небо.
А я в мечтах – из маминых бы рук,
Домашнего – из русской печки – хлеба.

Без маминых тоскую пирогов,
В которые замешены с дрожжами
Забота, ласка, нежность и любовь,
Чем так щедры извечно наши мамы.

И пусть друзья уехали на юг,
Мне б до могилки маминой добраться.
И там при ней, после тревог и вьюг
В смятение чувств и мыслей разобраться.

Июль, 2001 г.

МОЛИТВА МАМЫ

Воспоминанья даль светла
Лучом явилась,
И мама рядышком была –
Она молилась...

Вся жизнь – горенье и зола,
И горько-мило,
Но мама рядышком была,
Она молила.

Для первой трепетной любви
Молитва мамы
Защитой верною была,
Надёжной самой.

Молитвы мамы путь домой
Не сокращали.
Но легче было перейти
Через печали.

Пока держусь я на плаву
Мажорней гаммы.
И на земле ещё живу
Молитвой мамы...

Сентябрь, 2004 г.

* * *

Нынче всё как у классика вышло:
Вот деревня моя, вот дом.
Те же ставни, и та же крыша,
Только что-то чужое в нём.

Поняла. И лишилась речи,
Сжалось сердце моё в комок –
Не спешит моя мама навстречу,
И на сенцах висит замок.

Прохожу по избе со слезами –
Наше зеркало, наш комод.
Только нет в нашем доме мамы,
Не откроет она ворот...

Июль, 1996 г.

СО ХРИСТОМ...

Было время давнее —
 мама,
В путь меня осеняя крестом,
Вслед молитвы шептала упрямо:
«Поезжай, моя дочь, со Христом».

Через годы
Уральские дали
Снова манят в безбрежность снегов.
Дом заботливой тёти Вали
Заменяет родительский кров.

Я спешу через все дороги,
В зимний ветер и летний гром.
И она, приглушая тревоги,
Тихо шепчет:
 езжай со Христом.

О, великой России опора —
 Наши мамы и отчий дом.
 Дай вам, небо, сегодня,
 скоро
 Жить в спокойствии,
 СО ХРИСТОМ!

Январь, 2005 г.

СВЕТ В ОКНЕ

Город ли. Я в толпе.
Или наедине.
Или надо вперёд идти,
Только мама – мой свет в окне –
Освещает мои пути.

Я счастливой иду по земле
И пройду ещё сто земель.
Рядом мама – мой свет в окне –
С ней не страшен любой тоннель.

Пусть в честь мам наших песни поют,
Дети, взрослые – наравне.
С нами рядом по жизни идут
Наши мамы – наш свет в окне!

Ноябрь, 2004 г.

НЕ СТАЛО МАМЫ

Этот отпуск отдыхом не был,
Уезжаю с открытою раной.
Надо мной расколосось небо,
Когда в доме не стало мамы.

Как живу я с тех пор, не знаю,
На глазах моих пелена.
После маминых слов: умираю,
Что ни сделаю, всюду она.

Ты прости меня, мамочка, мама,
Что тебя со мной нынче нет,
Что привычно ложусь со слезами,
И в слезах просыпаюсь чуть свет.

МОЙ ДОМ

Просыпаюсь на горячей печке –
Правый бок горит от кирпича.
За окошком утро или вечер, –
Не пойму спросонок, сгоряча.

Мать с отцом беседуют чуть слышно,
Шёпотом – детей не разбудить.
Вот отец с ведёрком в сени вышел,
Перед выгоном корову напоить.

Скоро братья будут просыпаться,
Не сосед, не друг им долгий сон...
Никуда не надо собираться,
Воскресенье. Деревенский дом.

Май, 2000 г.

ДЕТСТВО

Вижусь я семилетней девчонкой,
Брату около девяти.
Рубль лежит на столе под клеёнкой –
Нам с Серёгой за хлебом идти.

А родители, встав спозаранку,
Видно, в жаркой работе с утра.
Старших братьев взяли в делянку –
Им тринадцать и десять. Пора!

Подгоняют друг друга два брата,
Мать вздыхает: ещё малы.
А отец как прикрикнет матом:
«Что... заснули возле пилы?»

Мы с Серёгою рады стараться –
Нам особое дело есть:
Если хлеб привезут по шестнадцать,
Сразу купим буханок шесть!

Был нам хлеб этот сладок очень,
Мы не знали столичных конфет...
Слёзы будят меня среди ночи –
Полсемьи в этой жизни нет.

Май, 1998 г.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Ножки детские босы – с царапиной к маме
С воплем громким бежали в родительский дом.
Где обид наших горьких нечаянный пламень
Затихал под родительским тёплым крылом.

Неудачи в любви, как в пронзительной драме
Мы уладить старались одни, а потом
С этой болью сердечной спешили мы к маме
В самый светлый на свете – Родительский дом.

В доме лад и тепло. Мы – родители сами,
Но так хочется снова прижаться плечом
К самым мудрым и чутким – к папе и маме
В Цитадели, чьё имя –

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ.

* * *

*На встрече земляков
в пустой сгоревшей деревне*

К пеплу не прикоснулась,
Так душе моей надо.
К сини озера –
взглядом,
Но слеза навернулась.

Нынче всё здесь иначе,
Но душа не застыла.
Чтобы сердце не ныло,
Вместе с нею поплачем.

Воедино все души –
Семь десятков.
Немало...
Постояв, помолчала –
Земляков бы дослушать.

Июнь, 2004 г.

РОДИНА

По родимой земле босиком –
Я подошвами черпаю силу.
Пусть гремит над деревнею гром,
Всё родное – и любо, и мило.

Дяди Саши стоит старый дом –
Тополь.
Верба.
Колодец.
Берёза.
Я в деревню сначала...
Потом
Всё мне в городе явится в грёзах.

Ширь небесная!
Можно кричать!
Вряд ли поле откликнется эхом,
И спешу на колени я встать,
И, уехавши,
снова
приехать...

Май, 2004 г.

ЗЕМЛЯКАМ

На земле, на родной, на заброшенной,
Яркой зеленью сорняки.
Что искать на чужбине хорошего
Мы разъехались, земляки?

Двери, окна жестоко сколочены,
Словно в сердце забит каждый гвоздь.
И суровою ниткой прострочены
Наши души и мысли насквозь.

Нас отчаявшись ждать, умирали
Одинокие старики.
Мы без Родины жить устали,
Так поедem домой, земляки!

КУСОЧЕК РАДОСТИ

Во имя праздника души,
На благо святости
Дарить прохожему спеши
Кусочек радости.

Улыбку добрую –
глазам
С тоской-печальями.
Мечту к далёким берегам
Назвать бы правильной.

Коротким дням наперекор
И непогодине
Пойдёт душевный разговор
О малой родине.

Начни его и поддержи
Мелодий ритмами.
Пусть будет праздником души,
Её молитвою.

Но охолонь, не говори
О ранней старости.
И без корысти подари
Кусочек радости.

Декабрь, 2004 г.

* * *

Я «по-волчьи» законов общенья
Не приемлю.
Не за этим пришли на время
Мы на землю.

Каждый сам в себе добрые чувства
Пусть разбудит.
Зла не будет, не будет грусти,
Мы ведь люди.

Декабрь, 2004 г.

ПАМЯТИ А. Н. Л.

1

Всё бежал, торопился успеть, –
Не успел.
Жизнь прямее стремился прожить, –
Не сумел.
Саван белый –
ОНА постучалась
с косой.
– Ты за кем? – он спросил.
А она:
– За тобой.

2

В одиночестве спать? –
Просыпаешься рано.
Скуке, боли назло –
Громадьё твоих планов.
Сенцы. Горница. Стол.
И – варить? – не варить?
Невозможно
в сплошном
испытании
жить...

3

Душою – рядом.
Руки – далеко.
На расстоянии жили мы годами.
О, как тебе дышалось нелегко
Бессонными, тревожными ночами.

Собака где-то.
Жуткий, страшный вой.
Встать? Посмотреть? – скрипит телега.
И братья, дети, сёстры не с тобой,
В душе сугроб нетающего снега.

А что нам раньше стоило придти,
Чтобы обнять.
Тоску развеять чтобы?!
Но поздно.
Поздно шепчем: «Брат, прости...»
Перед твоим последним домом – гробом.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Миг рождения – не каждый день,
Суету отправляю в отставку.
Заступаю в памяти сень,
Да присяду в избе на лавку.

Прочь из памяти сто тревог,
Да в мечты – не отвлечь девчонку!
После пройденной сотни дорог
Рукомойник зовёт в сторонку.

Подожди, родной, не бренчи –
Не рассердится строгий папа.
Манит треск из русской печи,
Да картофельных шанег запах.

Не услышу я ссору и крик –
Всё здесь доброе, всё родное:
Тёплый бабушкин половик,
В лоскутках одеяло цветное.

Дарит память издалека
Цвет подсолнуха в огороде.
И забытый вкус молока,
Да парного, что хвори выводит.

– Дай, Судьба, мне день или ночь!
В день рождения внеси поправку.
Суету я отправлю прочь,
Да присяду в избе на лавку.

Май, 2005 г.

* * *

Мне с городом пыльным расстаться,
 не мешкать,
Уехать на дачу, в тайгу, далеко.
Трещит, упражняясь, огонь на полешках,
С сучка на сучок перепрыгнув легко.

Под треск его чудный почти засыпая,
Уже непонятно – то явь или сон:
Корову с пастушни отец загоняет,
В пристройку с забытым названием «пригон».

А мама готовит жаркое из гуся
В огромной жарёхе.
С пшеничной крупой.
И этого блюда подобного вкуса
Мне больше не пробовать в жизни большой.

Не знала я в жизни безделья и лени,
Пилить и косить мне когда-то пришлось.
И вновь перед прошлым встаю на колени,
Совсем не жалея, чего не сбылось!

Июнь, 2006 г.

КЛИН ЖУРАВЛИНЫЙ

Клин, на сердце похожий, в небе –
Журавлиный, прощальный стон.
Зов села, как потребность в хлебе –
Ближе к старости – звонче он.

Отпуск птиц, что на Родине нашей,
Нынче, к счастью, совпал с моим.
Рады вместе обилию пашен,
И печаль, где осот и дым...

Благодарна красивым птицам
За печальный прощальный крик.
Навсегда в моём сердце прописан
Тот на сердце похожий клин.

Сентябрь, 2006 г.

* * *

Вот в поле ромашковом люди –
Родные, любимые – все!
Поляна в плену незабудок,
И ноги – в цветочной росе!

Вот мама жива и здорова,
И папка подходит с ведром.
И дети любимое слово
Лепечут своим языком.

Вот братья – Серёжа и Ваня,
И Саша, красивый такой.
Нам жизнь предрассветной ранью
Любви обещает большой.

За руку меж пашен тропую
Шагаем –
 глаза в глаза!
И солнце встаёт за рекою,
И счастья блистает слеза!

Далёкое доброе царство,
В нём счастье и свет вдалеке...
Не надо другого богатства:
Я сплю на любимой руке!

Январь, 2006 г.

БЫЛО ВРЕМЯ...

Было время – деревни богатые
Просыпались под гул тракторов.
И просили дела непочатые
Работающих рук мастеров.

Было время – порой сенокосною
Просыпался народ до зари.
И качались в лугах травы росные,
Когда с песнею шли косари.

Было время – и свадьбы весёлые
Успевали на тройках катать.
И спешили мужчины пред школою
И учителем шапки снимать.

Было время – отец мой неласковый
Строил домик-дворец для скворца.
Были мы беззаботны и счастливы
Под надёжным присмотром отца.

Было время...

Декабрь, 2001 г.

СЧАСТЛИВАЯ

Я от жизни не требую много –
Я счастливой иду по земле.
Пусть беспочвенна будет тревога
За достаток на каждом столе.

Довелось мне в деревне родиться...
Хоть давно человек городской.
Я хочу, чтоб родилась пшеница
На полях у деревни родной...

Пусть так будет по всей России:
Детским ножкам по травке ступать.
И ещё –
 Урожаи большие
Чтобы было кому убирать.

ХОЧУ ДОМОЙ

Снова ссорюсь я с белой ночью,
И подушка не ладит со мной.
Ваня-Ванечка, милый браточек,
Я в деревню хочу, домой.

Не хочу на Канары и в Сочи,
Всех святых об одном молю,
Чтоб вернуться с тобою, браточек,
В дом наш старый, почти на краю.

Чтоб ступить на крыльцо в три ступени,
Да в раскрытую настежь дверь,
Чуть пригнувшись, зайти сразу в сени,
Как в раскрытую бездну потерь.

Дверь не сразу откроешь в избу –
Как и мысли, она тяжела.
Отдала бы я маме полжизни,
Если б только помочь смогла.

Мы теперь уже знаем сами
Смысл фразы: детей растить.
Мама-мамочка, милая мама,
Ты прости нас.
За всё прости...

У МОГИЛЫ МАТЕРИ

По лицу пробежала тень,
Не стыжусь своих слёз при всех.
Не хочу подниматься с колен –
Их остудит бесчувственный снег.

Растревожила память свою,
Вспоминаю: когда горячо,
Ты нам руку давала свою
И своё подставляла плечо.

Это качество место нашло
И в моей материнской крови.
Я детей приняла под крыло,
Ты, родная,
 к себе
 не зови.

ГОСПОДЬ С ТОБОЙ!

Ю.К. в день его крещения

Мороз по-зимнему.

Крещение.

Январь, конечно, не апрель.

И свыше послано прощенье

Грехам твоим через купель.

Своим решением быть крещёным

Себе удачу сотвори.

И в мире добром и огромном

Всё будет складно в тридцать три!

За смелость этого решения,

Пришедши в разум твой с борьбой,

Душе – святое обновление!

Хвалю тебя!

Господь с тобой!

19.01. 2005 г.

МАМОЧКА

(Письмо в прошлое)

Мамочка... Добрая, заботливая, умная. Когда же ты спала? Маленькая, я засыпала с радостной мыслью, что ты ещё не спишь, что ты заводишь на кухне тесто; стараясь не шуметь, перемываешь кастрюли и тарелки. И я не боялась заснуть. А когда просыпалась утром, ты уже была на ногах. Ты заносила в дом подойник с парным молоком, ставила в печь огромные, «ведёрные» чугуны с картошкой для свиней. И через три десятка лет я жалею, что не вскакивала, не бросалась тебе на помощь; не спешила на кухню, чтобы затопить печку.

Упустила я этот шанс – сделать тебя счастливой. А много ли тебе было нужно для счастья? Горсточка первой земляники, которую суровый отец приносил из леса. Ужин, который я приготовила тебе, пришедшей по темноте с покоса. Измученная, ты шла, еле передвигая ноги, мечтая только об одном: лечь спать.

Я помню тебя искренне удивлённой моим неожиданным приездом из института, обрадованной незатейливым ужином, который я приготовила. Я подоила корову, накрыла стол и ты могла, наконец-то, покушав, сразу лечь спать. Осознавала ли я тогда, что это для тебя значит?

А что мешало мне тогда просто подойти к тебе, взять и поцеловать мозолистые руки? Как хотела бы я теперь, спустя много лет, встать на колени, у-

кнуться в них лицом, вдыхая запах травы, молока, любви. И не отрываться. Долго-долго. Никогда не отрываться...

Мамочка... Я очень мало помню тебя сидящей без дела или спящей.

Ты никогда не спекулировала ни болезнью, ни усталостью. Помню твою поношенную фуфайку с удобными карманами. В одном кармане – луковица, в другом – кусочек хлебushка. Это для себя. Но о себе – потом. Сначала – напоить коровушку, ведь именно она – главная кормилица. О чём ты думала в то время, когда управлялась со скотиной? О старшем ли Саше, который учился в сельхозтехникуме на агронома? Или о среднем Ване, который с тринадцатилет во всю помогал отцу на тракторе? А, может, ты думала о нас с Серёжей, сомневаясь, хватит ли нам на эту зиму валенок-катанок, или придётся заказывать новые? Возможно, ты прислушивалась к тракторным звукам из деревни, поджидая отца. Зимой он всем односельчанам безотказно возил сено, летом – дрова. Уставший, а иногда пьяный, он приходил домой; и мы с Серёжкой со страхом прижимались к тебе – отец был крут в выражениях и зачастую в действиях. Его ли в этом вина? Он тоже не был знаком ни с покоем, ни с отдыхом. Но никогда не жаловался на это. Как и ты, моя любимая.

Мамочка... Как многогранна могла быть твоя жизнь, если бы тебе посчастливилось быть на моём месте! Как жаль, что у тебя не было возможности учиться! Но твой природный ум позволял тебе с твоими четырьмя классами образования заведовать небольшим детским садом. Какая это была ответственность! Какие отчёты ты сводила, работая заведующей! Какие письма писала ты мне, уехавшей за мужем! Это были не письма, а поэмы,

составляющие энциклопедию любимой деревни!

Мамочка... Прости меня – не так часто, как хотелось бы тебе, мы приезжали. Через десятки лет вижу, как ты стоишь у окна, смотришь на дорогу и ждёшь появления зелёного пальто – почему-то именно в нём я должна была приехать. Может быть, потому, что это модное пальто было куплено мне перед самым замужеством, на последнем курсе института. Представляю твою боль, когда приехавшие на автобусе проходили мимо нашего дома. Но ещё помню тебя счастливой, когда я приехала с сообщением о поступлении в институт. Помню, ты прибежала из огорода, с тревогой взяла меня за руку и, глядя прямо в глаза, не переставала спрашивать: «Ты поступила? Ты поступила?» А потом натруженными руками обняла меня и мы долго-долго плакали. Или смеялись?.. Мы часто смеялись. Мы так были счастливы рядом.

Мамочка... Не так часто я сажусь за стол, чтобы написать письмо в счастливое прошлое. Не так часто я обнимаю свою дочь и смеюсь вместе с ней.

Прости меня, МАМА...

03.03. 05.

Твоя Шура.

БАБА ВАЛЯ ДОМА?

В соседнем дворе запел первый, самый ранний петух. Тотчас же ему начали вторить певцы с насестов соседних дворов и сараек. Во дворе бабы Вали не было такого будильника – он просто был не нужен ей, да и ходить за ним и его семейством ноги уже не соглашались. В последнее время она просыпалась намного раньше этого бесплатного помощника. Да и спала ли она вообще – на этот вопрос баба Валя не могла ответить уже давно; с тех пор, как её сыночек Генушка добровольно ушёл от неё в загробную жизнь. Добровольно ли? Как? Почему? – первые десять лет эти вопросы ходили по её ветхому дому, садились к ней на кровать и не позволяли смыкать глаз. Но прошло ещё лет десять, сомнения уже не так часто мешали спать, и иногда к бабе Вале приходили другие, радостные мысли.

Прошлой ночью, например, она представляла, как скоро (а, может быть, на днях, а, может, даже сегодня) к ней приедет её любимая племянница Шуронька из далёкого северного города. Бывало, баба Валя сомневалась, приедет ли племянница в тот или иной год к ней. Ведь с тех пор, как схоронили мать Шуроньки, прошло уже несколько лет. Но нынче, совсем недавно, племянница написала в письме, что обязательно приедет летом погостить. Баба Валя враз забыла, что собиралась умереть, когда придёт тепло, чтобы легче было копать могилу. Она терпеливо принялась ждать приезда своей племянницы.

«Слава Богу», – ещё одна ночь позади, – прошептала баба Валя молитву и начала, кряхтя, спускать натруженные ноги на пол. Пол протяжно скрипнул под тяжестью тела хозяйки, а довольная кошка кинулась гладить больные ноги своим телом. Побренчав рукомойником, баба Валя по-хозяйски отметила: «Мыло надо бы духовое положить».

Есть не хотелось, и она привычно вышла на улицу, к скрипучим воротам. Села на лавочку, опершись на костыль, и направила свой тревожный взгляд на районную дорогу, откуда могли появиться люди, приехавшие на утреннем автобусе. Ей хотелось угадать, в чём будет одета её «милая доченька», как уже давно привыкла называть племянницу баба Валя. Бог не дал ей родную дочь, и теперь она в снах и мечтах видела этой доченькой Шуру, она мысленно просила у покойной сестры Анны прощения за подобную наглость, но ничего не могла с собою поделать. В мечтах она даже фамилию племяннице присваивала свою.

Сердце подсказывало ей, что Шуронька приедет именно сегодня. Баба Валя и боялась верить ему, чтобы потом, вечером, если «доченька» вдруг не приедет, не так сильно плакать. И в то же время вспоминала именно такие случаи, когда она не ошибалась в своих предположениях.

Из-за поворота показались первые приезжие. Это были местные безработные, они, видно, ездили в район, отмечаться на биржу труда. «Где только они денег берут на проезд? – удивлялась баба Валя. Ведь проезд на автобус в один конец стоит ни много, ни мало, пятнадцать рублей! Да обратно столько же. Это же мне можно неделю прожить на такие-то деньги!»

Вот появились «чужие». Одеты не по-деревен-

ски, да и в руках сумки большие. Сердце ёкнуло: не мои ли? Весело переговариваясь, гости свернули радовать соседей – видно, неожиданно к сватье Марии приехал сын со своей семьёй. В сторону автобуса прошли несколько местных. Это были конторские работники. «Вот прокатывают совхозные-то деньги, да ещё целой оравой», – без злости подумала баба Валя. Прошли мимо встречающие и никого не встретившие односельчане. «Эх, если бы ноженьки мои, как прежде, как шестьдесят лет назад бегали, да разве ждала бы я вот так, у ворот? – с горечью подумалось бабе Вале. – Да я бы вперёд автобуса бежала, чтобы первой Шуроньку встретить!» Дорога опустела. Прошёл ещё томительный час-полтора ожидания. Опустошающее разочарование охватывало бабу Валю всё больше и больше. Точно так же было и два дня назад, и неделю, и месяц. А как-то после очередного напрасного ожидания истосковавшееся сердечко так прихватило, что фельдшерица Тоня потом целую неделю ходила с этими болячими уколами на дом к больной. «Надо идти домой, попробовать чего-нибудь поесть», – решила баба Валя. Но мысль, что следующий автобус в деревню будет только в конце недели так пугала, что ноги словно приросли к земле и не хотели слушаться. «Да когда это наладят автобусы-то, когда это будет горячего-то в достатке, чтобы ходили они каждый день?!» – мысленно неизвестно кого отчитывала баба Валя.

Из дома напротив выходила подруга Шуроньки – Люба. Боясь, что Люба начнёт спрашивать у неё про подругу, и баба Валя не выдержит и, показав свою слабость, заплачет, она, придерживая ноющую поясницу, заковыляла в ворота.

С трудом заставляя ноги подниматься на крыль-

цо, она услышала: «Баба Валя дома?» Нет, ни с какими другими голосами не могла спутать эти дорогие звуки голосов детей Шуроньки – Вовы и Юли! С самого раннего детства, когда ещё была жива сестра Анна, и дети приезжали к ней, они прибегали к дому бабы Вали и кричали эти слова под окошком. Сердце с тревожной надеждой ёкнуло. Но звуков не повторилось. «Вот уже и казаться начинает», – с ужасом призналась сама себе баба Валя. Она решилась не поддаваться слабости, и не напрягать слух.

Но этого уже и не требовалось делать. Повернув голову на скрип ворот, баба Валя, не веря своим глазам, увидела плачущую от радости Шуроньку, а рядом её взрослых детей – Юленьку и Вову, которые, как в детстве повторили: «Баба Валя дома?» И баба Валя, уже не сдерживая слёзы, прошептала: «Дома! Дома!»

ТЁТЯ ДУСЯ И ТЁТЯ НИНА

Утро солнышком заглянуло в окно и напомнило, что в доме закончился хлеб. А кушать без хлеба, даже если это завтрак, я не умею. Можно было попросить детей, которые уже поднялись и с криком бегали по двору, прогуляться до магазина. Но я уже выспалась. Да и с ленью никогда не дружила.

Я с удовольствием откинула одеяло, чмокнула полусонного мужа и побежала умываться. Первый луч солнца, который я поймала, зажмурившись не то от восторга, не то от его щедрости, пообещал, что день должен быть удачным. По двору домика в деревне, как сейчас принято говорить, бродили два бройлера, подаренные мне старшим братом на лето, с тем, чтобы в конце отпуска можно было ими покормиться. Крикнув живности весёлое «привет», я проверила сохранность «удобств во дворе» и побежала в магазин. Домик наш находился в десяти километрах от родной деревни, в селе, которое на тот момент было побогаче – с сельсоветом и медпунктом. В родной, к большому нашему сожалению, не осталось никаких признаков цивилизации: ни магазина, ни больницы, ни даже электрического света. Власти центрального села (а, может, района; а, может, области; а скорее всего, государства) решили, что пяти-шести оставшимся там бабушкам свет ни к чему и отключили этот «ненужный» признак цивилизации. А предприимчивые жители соседних деревень быстро сориентировались и обрезами все провода на «цвет. мет».

Нужен ли бабушкам свет, власти не спросили. Ни машин, ни тракторов, ни даже захудалой лошадёнки у них, конечно, не было. Как бабули там выживали, теперь не узнает никто, потому что и бабушек этих больше нет.

Каким же было моё удивление, когда в магазине, у прилавка, я увидела одну из них! Это была тётя Нина, мать одной из моих лучших подруг. Мы с подругами в пору школьной юности жили в интернате, практически одной семьёй, и мам своих считали тоже, грубо говоря, общими. Тётя Нина, та же прежняя тётя Нина в длинной пёстрой юбке, с загадочным взглядом стояла у прилавка и что-то покупала. А у меня перед глазами предстала другая картина.

Давно пригнали с выгона коров. Затих стук подошников, гогот гусей и визг поросят. Вся деревня замерла, словно бы прислушиваясь к молчанию. Только с озера по вечерней тишине далеко слышались переговоры рыбаков да плеск вёсел. Люди отдыхали после рабочего дня. И тут по деревне разлилась замечательная песня! В два голоса пели женщины. Кто-то с восторгом, а кто-то с иронией слушали и смотрели, как посередине улицы идут нарядно одетые Нина Ивукина и Мария Анашкина. У каждой на плечах был цветной кашемировый платок. Они завораживающе пели «Называют меня некрасивою». Тогда их бесплатный концерт приняли с усмешкой. Так же, как иронично относились к местному гармонисту Петру Чистякову (Петьке Натальину), который выходил к своим воротам и играл, играл. А песни и звуки гармони через озеро по всей деревне разносил родной тёплый ветерок. Тогда и ветра были теплее, так же, как звуки гармони и голоса.

Я с нескрываемым восторгом кинулась к тёте Нине с возгласом:

– Тётя Нина, здравствуй! Как ты здесь? С кем ты приехала? – радости моей, казалось, не будет предела.

Но восторг мой бесследно исчез, когда тётя Нина, повернувшись, равнодушно произнесла:

– Пешком пришли, – в её голосе была такая обречённость, что слёзы победили меня.

Но на мою жалость она отвечала только одно:

– Встали пораньше, встретились на перекрёстке в деревне и пошли. Дуся да Валя Ватагина. Щас вот купим которо чё, да и поковыляем обратно, – тихо, как будто для самой себя говорила тётя Нина.

И, видимо, не давая себе отчёта в количестве, тётя Нина набирала сахар, муку, вермишель. Рядом, возле прилавка стоял посох, «бадажок», как называли его наши бабушки. Я с ужасом представила, как в тихой по-утреннему деревне, среди пустых домов на перекрёстке собираются эти пожилые мамы в нелёгкое путешествие – десять километров вперёд и десять обратно – и снова заплакала.

С трудом справившись со слезами, произнесла:

– Тётя Нина, дорогая, пожалуйста, не уходи никуда, подожди здесь. Я сейчас сбегая за мужем, и мы вас обязательно отвезём. Где тётя Дуся и тётя Валя? Скажи им, чтобы они не уходили. Подождите нас!

Я и забыла, зачем приходила в магазин. Бежала домой и боялась только одного: только бы с машиной ничего не случилось! Только бы машина завелась!

Тётя Валя осталась, а родные, терпеливые, трудолюбивые, но по-деревенски скромные мои тётя Нина и тётя Дуся всю дорогу перешёптывались, подавая друг другу какие-то непонятные знаки.

– Дак эть, оне в городе живут, там у их всё по-другому, чё им так-ту, как у нас, ты эть вот не знашь, – доносился до меня сердитый полушёпот тёти Дуси.

– А ты шибко хорошо всё знашь, дак спросила бы! – не уступала спутнице тётя Нина.

– Дак, можёт, и спросим – уступила, казалось, тётя Дуся.

– Нет, не будём, чё будет, то и будь.

Проехали ещё немного. Вот уже и межа осталась позади. Проехали место, которое почему-то называлось «сарай». Вот за тем поворотом уже должна показаться деревня. И тут тётя Дуся всё-таки не выдержала:

– Чё жё, Шуронька, ты с нас возьмёшь за дорогу-ту?

– Да вы чё, тётя Дуся, говорите? Мы ведь не ради денег повезли вас! – я не могла прийти в себя от возмущения.

– Дак эть еку дорогу везли, да бензин, да времё эть, – подхватила и тётя Нина.

– Да я бы сама доплатила за то, что нахожусь рядом с вами! Это раз. А во-вторых, и вовсе не специально из-за вас мы поехали... Мы едем к папке на могилку, – ничего убедительнее я не могла придумать.

И попала в точку. Бабушки даже откликнулись на предложение «помянуть» отца рюмочкой коньяка. И то ли от избытка чувств, то ли от нечаянной удачи (а, скорее всего просто от названия «коньяк»), но после выпитых пятидесяти граммов тётя Нина покраснелась, у тётя Дуси выбились волосы из-под платка и, уже совсем освоившись, они запели любимую песню моих родителей «Хас-Булат удалой...». И опять звучала «Называют меня некрасивою...» Я пела вместе с ними и плакала. Плакала от того, что нет с нами мамы, что она тоже не много видела радости на этой земле.

Сидя вечером на крыльце своего «домика в де-

ревне», я благодарила Всевышнего за удачный день, за возможность прикоснуться к самому дорогому, что у нас есть – к памяти, к благодарности, к верности этих дорогих людей – тёти Нины, тёти Дуси и тёти Вали. Ведь в их лице – моя мама и тётя Валя, тётя Глаша и тётка Ульяна, тётка Варвара и все милые наши мамы, которых почти не осталось на этом свете.

– Представляешь, Лёня, – говорила я мужу, – ведь они пережили войну, и послевоенное восстановление, и современные неудобства, а ещё и шутят, и поют. Откуда только силы берутся?

– Да, – согласился он, – а ведь и все-то они такие, наши матери и бабушки. Возьми хоть и моих земляков из Омской области. Доживают в одиночестве, а не падают духом.

И такие все они, наши мамы. Мамы, по которым мы, уехав на севера и на юга, тоже скучаем, порою плачем, как дети, но редко бросаемся к ним просто так; редко едем потому, что соскучились.

20.03.2005 г.

ПОПУТЧИЦЫ

Они опять пришли к Татьяне ночевать. Появились откуда-то исподтишка, не постучав и не предупредив. Да ещё привели с собой эту болезненную тётку – Тоску. Их было четверо – ровно столько, сколько было детей у Татьяны. Это были четыре тревожные мысли. А по мере того, как они подходили к ней, менялось настроение их неприветливой спутницы – Тоски.

Первой подошла к кровати Татьяны мысль о старшем сыне – Василии. Матери очень хотелось, чтобы эта мысль подольше задержалась возле неё, потому что в семье у старшего было всё складно – он сам достраивал дом, дети были здоровы, а достаток постоянно прописан в его доме.

– Когда, мама, ты приедешь посмотреть, как я живу – не раз говаривал он матери.

– Дак как я, сынок, поеду на мою-ту пенсию? – сомневалась она.

– Пришлю я тебе денег-то на дорогу, приезжай только! – пообещал Вася, и Татьяна на самом деле иногда и всерьёз собиралась.

Смущало мать только то, что сноха не работала, считалась, как сейчас модно говорить, домохозяйкой, а по документам являлась владелицей дома. Получается, что деньги, которые Василий зарабатывал, работая по вахте на севере, были вложены в этот дом, а дом подарен жене! В то же время у сына не было ни здоровья, ни достойной одежды, да и половины

зубов, зато вот дом у жены есть! Татьяна иной раз не сдерживалась и говорила сыну:

– Пошто ты дом-от записал на Катерину-ту?

– Мама, не лезь в наши дела! – всегда одинаково отвечая на этот вопрос, сердился Вася.

Но мысль о доме угнетала Татьяну, а Тоска сидела рядом и радовалась, что для неё здесь столько места! «Ну, да ничего, – успокаивала себя Татьяна – когда Вася в прошлый раз приезжал из своей за-претки, он был доволен жизнью: и деньги у него были, и выпил он хорошо, да и мне купил сахару, да деньгами ещё дал. Да и сам уж, почитай, не маленький – сорок третий годок идёт». Тоска при этой мысли отошла от греха подальше.

Сложнее было с мыслью о втором сыне – Николае, который жил в одной деревне с матерью. Когда эта мысль подсела на кровать к матери, Тоска сделала совсем зелёной. «Жалко парня-то, ведь спился совсем, – назойливо жужжала мысль в ухо. – Зачем только он сошёлся с этой дояркой – Валькой? Ведь это она помогла ему спиться! Сама больше его хлещет! Да и работу он бросил из-за неё!» – сама того не ведая, Татьяна рыхлила почву для Тоски и её удовольствия. «Ладно хоть жить-то перешли в избу к Вальке. Хотя не так часто вижу их пьянки, да гулянки», – смягчающая мысль не позволила Тоске полностью заполнить хозяйку. Больно было продолжать подкармливать и развивать мысль и та, не находя поддержки для развития, растворилась в ночи. На её место пришла другая, посветлее – о Кате. Единственная дочь, единственная надежда для Татьяны – Екатерина – жила в этом же районе, но в другой деревне. Это, правда, были не триста километров, как до города Василия, но бывала дочь у матери не

чаще сына, а может быть, даже реже. И напрасно Татьяна, узнав, что свекровь Катюшки добавила им на легковую машину, надеялась, что дочь будет ездить почаще. Дочери при занятости со скотиной и «вздохнуть было некогда». Но Татьяна не обижалась на дочь. Она с радостью прогнала Тоску мыслью, что у Катюшки полным-полно всякого хозяйства – и коровы у неё две, и телёнок, и свиньи, и птица всевозможная. И молоко, и сметанка, и яйца – всё своё. В редкие приезды Катюшка всегда привозила матери домашней вкуснятинки. Да только вот Татьяне всё время казалось, что зять Николай не жалуется старшего, неродного ему сына Диму. Жалея дочь и внука, она периодически говорила Катюшке:

– Да брось ты его, матершинника, переезжай ко мне, вместе будем жить!

– Я должна переехать к тебе, чтобы вместе замарать с голоду? – возражала Катюшка.

Что могла мать возразить на это? Она зарезала свинью, когда младшему Витеньке нужны были деньги на адвоката; продала корову, когда Витенька собирался купить свой дом. Дом он почему-то так и не купил, а вот корову завести теперь уже было не по силам. Холодильник, который оставил матери уезжая, Василий, давно не работал. Печь постоянно дымила так, что трудно было в ней что-либо постряпать. Плиты не было ни электрической, ни газовой. Готовить приходилось на однокомфорочной электрической плитке. Какие условия для жизни могла предложить Татьяна дочери?

Тоска при мысли о Витеньке распоясалась, надвинулась на Татьяну всем своим могучим телом. Всё у младшего сына было нескладно. Или потому, что отец прожил после его появления всего десять лет,

и Витенька не почувствовал заботливой мужской руки? Или слишком много воли дала ему сама Татьяна, любя его больше других детей? Сейчас Витенька жил в двадцати километрах от деревни, в райцентре, но полгода назад, осенью, когда он увёз из подпола «лишнюю» картошку, он был в последний раз и больше не навещался. Самый младшенький, кровинушка Витенька, по мнению матери, больше всех нуждался в её заботе. Приёмный ребёнок в его семье, гулящая, опять же по мнению Татьяны, жена; не очень крепкое здоровье, — всё это не давало покоя матери. Вот и Тоска прописалась, казалось, в этом доме навечно.

Внезапно заговорило радио. Обычно передачи начинались с гимна. Но сегодня, видно, деревенский радист поздно подключил свою станцию, и с утра пораньше в доме Татьяны запела Мордасова. Частушки любимой певицы заставили Татьяну вспомнить, какой она была плясуньей, певуньей и заводилой в играх да хороводах. Ей стало стыдно за ночную слабость и беседу с непрошенными гостями. Она решительно спихнула с кровати последнюю горькую мысль, пнула Тоску и посмотрела на часы — время подходило к семи часам утра.

ТРОИЦКАЯ СУББОТА

(Очерк)

Нравится мне выражение «Время Русь собирать». Это как знак, как команда действовать. Только вот сказано негромко, призыв не все услышать могут. Но есть люди, которым и не нужен этот призыв. Они собираются сами. Поднимаются сами. Без громких слов, без призывов, без команды. О таком подъёме очень хочется рассказать всей, ещё не собранной Руси.

«...Жил крестьянин в заботе и вере, был доволен избой и амбаром. За отцов и детишек уверен, знал, что жизнь проживает не даром...» – цитирую свои стихи. Это о нашей деревне Озеро-Вавилово, что в Курганской области. Когда-то огромная деревня, расположившаяся вокруг живописного озера, в семидесятых-восемидесятых годах начала распадаться. Уезжали молодые. Покидали родные места из-за отсутствия средней школы, из-за отсутствия больницы, из-за отсутствия дороги. И не осталось в домах жителей – «...нас отчаявшись ждать, умирали одинокие старики. Мы без Родины жить устали. Так поедem домой, Земляки!» – эти слова жили внутри нас долго и тайно, мы выстрадали их. И когда один из нас решил произнести их вслух, откликнулись все, кто услышал. А кто ещё не услышал, или не смог, придет в следующем году. Ведь призыв этот разносится по всей России теперь уже не объявлением в газете, а ностальгией, зовом души.

Мы приехали. Приехали по старой, русской традиции на могилки, помянуть усопших родителей. Случалось это и ранее. Но не так многочисленно. А в 2003 году истинная патриотка, рождённая в нашей деревне, учительница из соседнего села Нина Владимировна Оконечникова (Сенокосова) сообщила по немногочисленным адресам, имеющимся в её памяти, о нашей встрече. И откликнулись! В тот год мы даже не догадались «посчитаться». Но это было ещё не суть важно. В душах некоторых сельчан из соседнего Шутино родственная кровь патриотов. И самодеятельный коллектив культурных работников этого села организовал спортивно-развлекательную программу с дорогими сердцу песнями.

В следующем, 2004 году, нас было уже чуть больше, чем в предыдущем. И мы даже «сосчитались». Это является для нас стимулом, горячей подпиткой веры в то, что земляки помнят и хотят встреч. Мы – мизерная часть Руси, которая называется Озеро-Вавилово. И мы хотим быть вместе! Даже если «ни в единой избышке ни тепла, ни теней не видать...» На встречу приехали тогда семьдесят четыре человека! И если учесть, что после «буйства большого пожара» в 2003 году от деревни осталось только пять пустых домов, а домой приехали жители, может быть, половины деревни, то можно с уверенностью сказать, что болит душа о родном доме, просится она домой, даже в пустую деревню.

Мы обнимались и плакали от радости встречи и от горечи потерь. Мы плакали, когда самодеятельный хор из с. Шутино пел «Деревня моя, деревянная дальняя...» А самая свежая память вновь рисует следующую встречу, в 2005 году.

Телефонные звонки в уральские и сибирские

города принесли свои результаты – мы снова встретились! Теперь уже по традиции – в Троицкую, родительскую субботу. Считать пытались. Но сбились, досчитав до восьмидесяти восьми. А потом подъезжали ещё машины – одна, вторая, третья. Всего их было восемнадцать! А в автобусе администрации соседнего села (низкий им поклон) приехали из района те, кто не захотел ехать на своей машине или у них её просто нет. Автобус, согласно объявлениям, которые были заблаговременно расклеены на районном вокзале и в центре города, ждал на площади района.

Думаю, что живя вдали от Родины, вне зависимости от расстояния, мы мечтаем узнать что-то о своих земляках, услышать и увидеть хотя бы название своей деревни. И поэтому «в тишине городской вечерами в самых сладких нам видится снах: наше озеро с карасями, наши мамы с бельём на мостках.» Не исключение и ветеран войны Пётр Евгеньевич Ватагин, 1923 года рождения, уроженец нашей деревни. Он прочитал объявление о нашей встрече в районной газете «Знамя». Здоровья и сил, конечно, лишних нет, но они появились от одного названия деревни в газете и от возможности встречи. С тросточкой он «прибежал» на автовокзал, потом с боязнью опоздать – на площадь. Успел! И не зря. В деревне он встретил своих племянников из Камышловского района, которых не видел десятки лет. И вместе они читали фамилию отца и брата на обелиске, что сохранился в центре пустой деревни. Выйдя из автобуса, Пётр Евгеньевич сразу же пошёл искать место, где когда-то стоял его дом. «Среди крапивы тропку ищем. Навстречу – пусто. Никого. На месте дома – пепелище. И ни крыльца. И ничего». Мне, наблюдавшей и пережившей подобное, было больно до

слёз. Да я, снимая этот момент на видеокамеру, и не пыталась сдерживать их.

Больно было, по просьбе родственницы из Москвы, не сумевшей приехать по состоянию здоровья, снимать на видеокамеру место, где когда-то стоял её дом. Ныне об этом месте напоминает только куст черёмухи. Но высохла черёмуха на месте другого дома. И не нашла его моя крёстная Нина Сергеевна из Екатеринбурга.

Нелли Ивановна Овчинникова показывала привезённые из Тюмени фотографии своего отца внуку и говорила: «Смотри, Ванечка, это твой прадед, он когда-то жил в этой деревне». Валерий Юзекевич Рудковский, не считаясь с дорогим временем, привёз свою мать, Тамару Дмитриевну, на родную землю и сам был рад побывать здесь. Владимира Чистякова увезли из деревни пяти лет, но он приехал сам и привёз с собой жену и сына, которые совсем не пожалели о том, что согласились на это путешествие.

Я приехала из Сургута, одна моя подруга – из Тюмени, другая – из Новоуральска Свердловской области. Михаил Худяков – из Кургана, на все встречи приезжает вместе с женой. Их фамилия в деревне – одна из самых многочисленных. Каждый год приезжает семья Сажиных и Капитолина Чистякова из Камышлова, многие приезжают целыми семьями. Расставаясь, мы решили, что будем встречаться каждую Троицкую субботу. «Чем чаще, тем лучше», – так решил Камышлов и Екатеринбург, Курган и Тюмень, Сургут и Каменск-Уральский.

На вопрос: «Что дала вам эта встреча?» Валентина Фёдоровна Овчинникова ответила: «Да я помолодела сегодня на десяток лет! Наше детство, наша юность – в этой деревне». Но один из земля-

ков, уезжая, сказал: «Попробую в своей деревне провести подобную встречу!» А другой крикнул: «Я на следующий год приеду с детьми и внуками!» Наша надежда на них, наших детей и внуков. Ведь мы хотим не просто встречаться. В глубине души у каждого живёт, разгорается маленькая надежда вернуться сюда, построить дом, взамен сгоревшего, как в стихотворении «и спешу на колени я встать, и, уехавши, снова приехать...», но эта надежда такая маленькая, что мы просто боимся спугнуть её неосторожным словом. И пока молчим. Но есть люди, которые говорят: «Время Русь собирать». И это выражение питает нашу надежду, которую должны подхватить наши дети и внуки согласно связи поколений, которая, как подчеркнули встречи, у нас есть! И пусть в одном из моих стихов есть такие строки:

*Озаряясь лучами с востока,
Синим лоскутом озеро всплыло.
И кричала кукушка без срока –
Сотни лет деревеньке сулила...
...Опустился на озеро вечер,
Покосилась пустая избушка,
В одиночество кутая плечи.
Нет деревни. Ошиблась кукушка...*

– наша задача сделать так, чтобы предсказания кукушки не были ошибкой, чтобы деревня жила. Потому что «жив крестьянин-трудыга пока, Значит, будет Россия жить!» И для этого и пришло «время Русь собирать!»

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ МАМЫ

Мартовское утро несмело, словно испуганная кошка, заглянуло в окно. Я, терпеливо ожидая его, всё-таки надеялась забыться перед работой хоть ненадолго. Не удавалось. Вчерашний звонок подруге в деревню опять выбил меня из колеи.

– Как там мама моя? – задала я главный вопрос всех наших переговоров.

– Дак чё, Шура, она плачет, говорит, что сыновья-та уж месяц никто не бывал, – говорила подруга, не сознавая, что делает мне очень больно.

– Она сама к тебе в сельсовет приходила? – мне хотелось узнать о маме всё, что могла забыть Любушка.

– Да нет, я её в магазине случайно встретила, – Люба, похоже, говорила всё, как есть.

– А что, Люба, братья на самом деле давно не были? – мне всё-таки хотелось бы услышать отрицательный ответ.

– Да нет, Ваня вот вроде недавно был, – Люба тоже хотела успокоить меня.

Но в мамино «никто» я невольно включала и себя. Ошеломлённая, опрокинутая горьким сообщением, я допускала мысль, что числа перепутались в голове мамы. Серёжа мог не приезжать, но Ваня этого никогда себе не позволял. Он приезжал на своём двадцатилетнем «Урале» в дождь и стужу; и обязательно привозил какой-нибудь гостинец, радуя маму. Вполне вероятно, что и в этот раз он навещал её. Но

всё-таки больно было представлять, как мама бродит по пустой избе из угла в угол и с надеждой смотрит в окно, которое выходит на районную дорогу. И, может так же, как я, ждёт утра, временно освобождающего от ночных переживаний. Я представила, как она жалуется кошке на своих детей, как она достаёт карты и гадает, гадает... Но я-то вскакивала, бежала на любимую работу, а мама так и оставалась со своими мыслями. Один на один...

Как всегда, в девять, работа распахнула мне библиотечные объятия пушкинскими и рубцовскими страницами, страницами учебников... Не успев раздеться, я услышала за спиной:

– Здравствуйте!

В дверях библиотеки стояла директор и, как всегда, внимательно-испытующе смотрела в мои глаза.

– Здравствуйте, Ирина Львовна, – не очень радостно ответила я.

Честно говоря, именно сейчас мне не хотелось никого видеть и ни с кем говорить. Тем более, с директором.

А она почти сразу же за моим приветствием полуприказала, полупопросила:

– Рассказывайте, что у вас случилось? – дружески сказала Ирина Львовна.

И я уже пожалела, что сначала подумала о ней плохо. Её добрый пронизательный взгляд, видевший насквозь все переживания и радости сотрудников, помог мне справиться со смущением. Я даже не успела в очередной раз восхититься этим её даром, как уже рассказала всё: и то, что у мамы нет телефона, и я связываюсь с ней через подругу. И про братьев – Ваню и Серёжу, и про весеннюю распутицу, и про

задержку с пенсией, — всё-всё выложила заботливому руководителю школы. У неё тоже была мама. Правда, в Волгограде, а не в деревне. Строгая, как директор, Ирина Львовна, в то же время, была заботливой и любящей дочерью, и часто рассказывала нам о своей маме. И при этом всегда подчёркивала, что главное в жизни — это семья. Будет лад в семье, и женщина будет спокойной и доброй. Наверное, поэтому, она опять полуприказом спросила:

— Поедешь?

Возможно, эта мысль маленькой, тлеющей искоркой жила во мне где-то глубоко, но я бы ни за что не решилась произнести её вслух. А Ирина Львовна своим властным голосом произнесла:

— Поезжай!

— А можно? — несмело спросила я.

— Твоя работа никуда не убежит, никто её за тебя не сделает. Приедешь — сделаешь, — убеждала она меня так, как будто это не моя, а её мама нуждалась в помощи.

— Но как я отработаю? — всё еще сомневалась я.

— Твой муж собирал стеллажи. Ты имеешь право на отгулы. Вот и поезжай, — это прозвучало убедительнее всего.

Теперь, по прошествии десятка лет, я с благодарностью думаю, что не окажись у меня денег, необходимых на поездку к маме, Львовна одолжила бы мне свои.

С билетами, к счастью, проблем не было, и я уже через сутки должна быть в своём любимом Катыске. В дороге мне всё время казалось, что поезд едет очень медленно. Я с нетерпением представляла, как мама будет ошеломлена моим неожиданным приездом, как мы будем вместе с ней целых

три дня! Пожилая соседка по купе, Анастасия Петровна, видя моё нетерпение, участливо спросила:

– Куда едешь, дочка?

– К маме, в деревню, одна она у меня там живёт, – охотно начала рассказывать я, – вот сообщила, что скучает очень, я и поехала.

– А ты не работаешь? – продолжала спрашивать соседка.

– Да меня директор сама отправила, – я с удовольствием начала рассказывать о нашей Львовне.

– А ко мне вот сыночек не едет, говорит, что работа ответственная джуже, – жаловалась Анастасия Петровна.

– А мои братья часто ездят, они живут недалеко, – похвалилась я.

На районном вокзале, ожидая автобуса, я всё время боялась какой-нибудь непредвиденной причины, по которой автобус может не пойти в деревню. И от райцентра до села мне было не по себе от предчувствия желанной встречи.

Мама жила в селе, где мы купили ей дом и перевезли из родной, опустевшей деревни. Там, в родной, где она родилась и прожила свои семьдесят лет, как будто претворялся в жизнь чей-то зловещий план. Сначала закрыли школу и детский сад, потом ликвидировали медпункт и магазин, обрезали телефонные провода. Правда, оставшиеся там наши мамы и бабушки ещё долго сопротивлялись таким обстоятельствам. Пять-семь старушек, они все праздники и будни были вместе. Маленькая, шустрая тётя Шура Давыдова, взрывная тётя Шура Дуракова, очень спокойная тётка Ульяна, моя рассудительная мама и неподдающаяся никакому унынию тётя Валя. Они собирались, чаще всего, у тёти Вали, в

центре деревни; пели проголосные песни, плясали и пели «соромские» частушки под мамину балалайку. Мало-помалу все уехали к сыновьям и дочерям. А наша мама захотела свой дом в соседнем селе. А мы, в любую минуту готовые забрать к себе, навещали её в этом доме. Но сегодня её там не оказалось. Сообщив, что она может находиться у моего двоюродного брата, я побежала туда. Переступив порог, сразу увидела её. Представляя маму больной, я всё-таки надеялась, что это не так серьёзно. Всегда сильная, в постоянном движении, в этот момент мама сидела за столом, не двигаясь. Перед ней стояла нетронутая тарелка с супом и кружка с чаем. Наверное, руки плохо слушались её, и она боялась пролить суп из ложки. Первое, что я увидела в её глазах, была такая невыразимая тоска, такая покорность, что я, знавшая маму властной и уравновешенной, растерялась. Но быстро взяла себя в руки.

– Мама! Я приехала! – в восторге крикнула я, ожидая такого же восторга и от мамы. Но в выражении маминого лица почти ничего не изменилось. Мне стало не по себе. За эти несколько секунд в голове пронеслось всё самое страшное. Это обоюдное замешательство продлилось несколько минут. Первой справилась всё-таки мама. Возможно, сработал материнский инстинкт заботы о взрослом ребёнке.

– Шура, у тебя что-то случилось? – с трудом двигая непослушным языком, спросила она.

– Нет, мама! Я приехала просто так. Всего на три дня, но к тебе! – я опять надеялась увидеть в её глазах блеск радости.

И только тогда, оправившись от шока, я кинулась к маме с объятиями. Позднее знающие люди объяснили мне, что чрезмерные положительные эмо-

ции тоже могут оказать негативное действие. Тем более, на почти парализованного пожилого человека.

Но уже через несколько часов мы ехали на рейсовом автобусе в райцентр, шагали в пригород через мост почти три километра и – смеялись! Ни за что не вспомню над чем мы смеялись, но знаю, что над какой-нибудь пустяковой мелочью.

– Пошто это, Шура, мост-от покрасили в зелёный цвет? – лукаво улыбаясь, спрашивала мама.

– Да, наверно, зверей по нему поведут, – в унисон её непонятному вопросу ерунду говорила и я.

– А зачем это висит табличка о цене бензина возле заправки, а цифр нет? – продолжала игру мама.

– Да бензин, наверно, бесплатный здесь, – не понимала и я.

От маминой болезни не осталось и следа. Я заплатила за её капитуляцию своим приездом. Потом, когда действие этого недорогого лекарства кончилось, болезнь с названием «тоска» опять мучила маму, но всякий раз избавиться от неё было в наших силах.

Только вот не всегда мы доставляли ей это лекарство, не летели к ней по первому зову и желанию нас увидеть. Высылали деньги, продукты, привет с оказией, а сами отговаривались работой, занятостью. Обиднее всего то, что это типично для всех нас, у кого есть ещё мамы на этом свете, которые ночью в одиночестве ходят по дому и ждут недорогого лекарства, которое знают только дети...

ГОЛУБИ

К.

Жаркое-жаркое лето, голубое-голубое небо, яркое-яркое солнце. Добрые, верные птицы в небе – голуби. Воркующие, влюблённые в жизнь, природу, погоду. Возможно, друг в друга. А на балконе пятиэтажного дома пара пожилых людей. Люди и голуби показались мне похожими между собой. Люди смотрят друг на друга тёплым взглядом и о чём-то разговаривают. Нетрудно представить то, о чём они говорят. Супруги прожили вместе в любви и согласии более пятидесяти лет! Они счастливы вместе, любят жизнь такой, какая она есть сегодня. Одинаково любят и солнце, и дождь. Но больше всё-таки солнце. В такую погоду не ломит суставы, не поднимается давление, можно выйти на улицу, во двор. Они терпеливо принимают и ценят жизнь, все её обстоятельства и условия без ропота и стенаний. Потому что за плечами за их более чем восемьдесят лет – голодные годы войны, работа в колхозе, восстановление хозяйства, забота о дочерях. Им бы успеть пожить сейчас, когда дочери взрослые, когда им более-менее хватает пенсии и на масло, и на колбаску.

Не могут они, старички с пятого этажа, свободно делать, что хотят. Это голубь – птица свободная, легко подвижная, а люди, пожилые муж и жена, не всегда могут выйти даже во двор – натруженные ноженьки не слушаются, давление часто «зашкаливает за 200». Дочери живут далеко: у них свои семьи,

свои заботы и работа. Приезжают довольно часто, но родителям всегда мало того времени, которое дети выделяют им на общение. Вот и созерцают мир эти люди-голуби только с высоты своего балкона, да в размере улицы, на которой находится дом.

О чём они думают? О чём говорят? Да о чём бы ни говорили, разговоры сводятся к одному: когда же приедет младшая дочь с семьёй с севера? Заедет ли она сначала к сестре или сразу приедет к ним? Скорее бы! Ну, да ничего. Они подождут. Лишь бы доченька на юге поправила своё здоровье! И снова дни и ночи ожидания. И зависть птицам, которые схожи с ними в любви друг к другу, и к жизни. Старые люди, они завидуют птицам! Будь у родителей крылья, они, не задумываясь кинулись бы к дочерям. Пусть не с тем, чтобы жить там. Просто затем, чтобы заглянуть, увидеть, услышать их голоса. Может, чем-то помочь. Да только вот разные возможности у людей и птиц...

Через два года человека-голубки не стало...

Лето, 2004 г.

РОДНЯ

Поезд, почти местного значения – Сургут–Тюмень – никогда не опаздывал. И в это утро гудок электровоза радостно сообщил о конце своего маленького путешествия. А моё путешествие продолжалось. Билет до Шадринска, как и всегда, я купила сразу по прибытии в Тюмень. Планов на дальнейшее времяпрепровождение не было никаких. Но пока я убираала купленный билет, женщина в очереди попросила билет до Борового.

– Боровое! – это же посёлок, где живёт тётя Глаша! – осенило меня. – Я ведь успею побывать у неё до вечера!

Желание увидеть бывшую соседку из моей деревни было великим ещё и потому, что моей мамы уже не было на этом свете. Потому я пользовалась любой возможностью общения со всеми землячками, которые знали её. А тётя Глаша, к тому же, была матерью моей подруги Маши. По неписаному закону мы с подругами из нашей деревни считали своей каждую из мам. Сидя в машине, я представляла, как встретит меня тётя Глаша; думала, гадала, изменилась ли она. И вспоминала, как мы встречались с ней у колодца, заросшего мать-и-мачехой. Из этого колодца носили воду и тётка Ульяна, и тётка Варвара, и наша семья. И как здорово было поговорить там об урожае картошки, о посевах пшеницы «за Маврой». И ещё о куче деревенских дел. Такое связующее звено в деревне – колодец!

Однажды я уже бывала с Машей у мамы, и потому без труда нашла её дом. Спокойствие своё я потеряла ещё на вокзале, в тот момент, когда пришло решение навестить тётю Глашу. И теперь, найдя нужный дом, я почувствовала такой комок в горле, что когда услышала звук шагов от крыльца к воротам, я уже не сказала, а простонала сквозь слёзы:

– Тётя Глаша, это я, Шура. Я проездом.

– Кака это Шура? – в голосе тёти Глаши послышалось недоверие. – Шура Гоголина, чё ли? – хозяйка, услышав фамилию, о которой давно забыла, не могла поверить.

– Да, я, тётя Глаша, – торопилась ответить я, как будто бы боялась, что она может передумать и не открывает мне ворота.

Тётя Глаша появилась в воротах и всплеснула руками:

– Матушка ты моя! Да откуда ты? – с такой неподдельной радостью воскликнула она, что сомнений в этом не оставалось.

В облике тёти Глаши я увидела бабушку Прасковью, мать тёти Глаши. Такую, какой я запомнила её с детства. Уж очень тётя Глаша была похожа на неё. Бабушка Прасковья жила когда-то в деревне на дороге от центра к моему дому. И всякий раз, когда я приезжала из института и проходила мимо её дома, она стояла у дороги и спрашивала:

– Матушка ты моя! Знать-то опеть пешком?

– Да нет, бабушка Прасковья, на попутке, – говорила я, обязательно остановившись.

– Да сколь это тебе, девка, ишшо учиться-то надо?

– Да уж немного, бабушка Прасковья, доучусь скоро!

Ей всегда очень хотелось поговорить со мной, но воспитанность деревенских мам не позволяла ей задерживать меня. И бабушка Прасковья говорила:

– Ну беги, девонька, отдыхай. Мать-та, небось, заждалась.

Увидев в глазах тёти Глаши удивление, восторг, радость, я уже не могла сдержаться. Обнявшись, мы долго стояли в воротах и плакали. Плакали ли? Мне кажется, мы рыдали. Рыдали сердцем, душой. Рыдали о том, что нет нашей любимой деревни. Рыдали о том, что так редко встречаемся. И рыдали над тем, что очень близки друг другу не по крови, а по духу.

Материнская воспитанность тёти Глаши заставила её первой взять себя в руки, и она ещё раз прошептала:

– Откуда ты, матушка моя?

– Я еду в деревню, к тётке Вале, вот решила заехать к вам, повидаться, – тараторила я, словно оправдываясь.

– Проходи, проходи, Шуронька, – тётя Глаша называла меня так, как называли когда-то мои родные, близкие люди.

– Да не беспокойся, родная, я пройду, – мне так хотелось сказать ей что-нибудь очень тёплое.

Не знаю, за что, но в деревне меня любили именно пожилые люди, особенно бабушки. Может быть оттого, что и я их тоже всегда очень любила и люблю до сих пор. Приезжая в деревню, я автоматически переходила на местный говор, обсуждая все деревенские страсти. И никогда не «заламывала по-городски». Мама даже ревновала меня к бабушкам. «Зачем они тебя обнимают? – ты ведь не к ним приехала». А однажды я поймала себя на мысли, как назвал меня сосед, деревенский бригадир Витя Вата-

гин. Подсаживая в тракторную тележку при отъезде из деревни после каникул, он спросил:

– Чё, Шуранка, каникулы-те закончились уж, чё ли? Опять в институт поехала?

– Да, Витя, пора – у вас своё дело, у меня своё, – по-родственному ответила я ему.

Тогда я не обратила внимания на это обращение, но совсем недавно соседка Надя, землячка из соседней деревни, назвала меня точно также. И я вспомнила, что так называл меня только Витя Ватагин. Прошло уже около тридцати лет, но так свежо это осталось в памяти.

Спустя годы, думаю: да мы ведь и были самые близкие люди друг другу. Дома наши стояли рядом. Да и деревня была небольшая, знали все друг друга хорошо. Если у кого-то случалась большая беда, помогали «всем миром». Теперь, вдалеке от малой родины, у тётки Глаши тоже была беда, которая была нашей общей: деревни нет, и живём мы за тысячу километров даже от места, где она была. Это ли не беда?

Тётя Глаша жила в отдельном доме со своим парализованным мужем дядей Васей. У трёх взрослых сыновей и дочери Марии были свои семьи, свои дела, свои заботы. Оторвавшись от проблем, они ненадолго заезжали к матери, привозили продукты, лекарства. Но тёте Глаше, как и всем мамам, всегда не хватало того времени, которое мы эгоистично называем «заехать к матери». «Не погостить» у матери, а чаще – «заехать» к матери.

Тёте Глаше очень хотелось и угодить мне, угостить меня чем-нибудь. Но она никак не могла справиться с собой. Не помогла и природная воспитанность. Она понимала, что я хочу отдохнуть, но ничего не могла с собою поделать: ходила за мной

из комнаты в комнату и спрашивала, спрашивала, спрашивала. Впрочем, желание говорить было у нас обоюдным. Нам доставляло удовольствие просто называть свою деревню, вспоминать односельчан по тем именам и прозвищам, которые у них были. Тётя Глаша стояла возле меня, когда я чистила рыбу, чтобы пожарить. Она разговаривала со мной, когда я кушала. А кушала ли она сама? Теперь не помню. Хотя хорошо помню, что она сказала, как сильно любит рыбу. Это я помню точно, потому что все, кто жил в нашей деревне, любили рыбу. Жареную, вареную, солёную. А рыбы в то время было видимо-невидимо в нашем озере.

Мне очень хотелось назвать её мамой. Особенно тогда, когда она занесла мои грязные сапоги из сеней и поставила их на печку.

— Они же грязные, тётя Глаша! — вскричала я.
— Да и тепло в сенцах-то!

— Да како же тепло? Вот сюда я их к печке поставлю, чтобы в тёпленьких ехать-то! — это были слова заботливой матери.

И сделать так могла только мама или очень близкий человек. Так делали и делают русские деревенские женщины; добрые, заботливые, как все матери.

День пролетел незаметно. Тётя Глаша вышла провожать меня до остановки, с которой я должна уехать. А куда? — это тёте Глаше было неважно. Куда бы я ни уезжала, я была для неё родной, близкой. И отпускать меня ей было очень больно и тревожно.

— Деньги-то куды положила? — спрашивала она у меня. — Гледи, не разговаривай шибко-то в дороге-то, ликом чё ноне делатса.

— Да всё нормально, тётя Глаша, далёко убрала, — спешила я успокоить её.

— Ты уж напиши мне, Шуронья, как съездишь, чтобы я не переживала.

И мы опять плакали. Не потому, что так полагалось, а потому что обе боялись больше не встретиться на этом свете. И было совсем неважно, что мы не родственники по крови. Мы родственники по родству душ. А ведь никто не доказал, какое родство из этих притягивает больше...

Если бы я знала, что вижу тётю Глашу в последний раз...

МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА

(Очерк)

От неё веет каким-то материнским теплом, добром, спокойствием. Всё в ней говорит о том, что зло ей незнакомо, что под её яркими, нарядными одежками оно просто не способно разместиться, злу там неуютно. Там, где она бывала, люди старались посидеть рядом с ней, просто прикоснуться, заговорить, посмотреть в глаза. Незнакомая с ней лично, я втайне мечтала об этом, как о чём-то несбыточном. Думаю, это можно сравнить с тем, как малыши загадывают желание под Новый год и ждут его исполнения от Деда Мороза. Но за что-то Бог, а не Дед Мороз, наградил меня таким событием, которое мне, наверное, ещё очень долго придётся отрабатывать перед Всевышним.

Я с нетерпением ждала момента, когда муж возьмёт долгожданный отпуск и мы, не задерживаясь не то, чтобы недели, дня, а даже и минуты, сразу укатим на Большую Землю. Сообщение друзей-поэтов о днях русской литературы в городе не изменило моих намерений, я всё также собиралась уехать. Но в самый последний момент пришло решение остаться. И вместе с гостями-литераторами мы собрались в посёлок Федоровский, что в 60 км от Сургута. В том, чтобы с нами поехала и она, Мария Кузьминична, некоторую роль сыграла и я, настойчиво приглашая её ехать именно с нами.

Эту женщину-поэта, заслуженного работника

культуры, национальную героиню знает, думается, весь Ханты-Мансийский округ. А то, что она героиня, я теперь уже не сомневаюсь. В Ханты-Мансийске Мария Кузьминична основала семейный фольклорно-этнографический ансамбль «Ешак най». По-светлому завидую участникам ансамбля. Как, должно быть, им спокойно и комфортно под её руководством! Ведь в состав ансамбля входят её дети, внуки, её родные сёстры, их дети и другие родственники. И, наверное, завидую и самой Марии Кузьминичне. Не скрою, я бы тоже хотела работать со своими внуками, племянниками, братьями и сёстрами.

Как по мановению волшебной палочки, в автобусе мне посчастливилось сесть рядом с Марией Кузьминичной. Вначале разговор шёл обычный, «дежурный». Но чем дальше мы ехали, тем больше общих тем разговора у нас находилось. Она рассказывала о своём детстве, о жизни в родной, хантыйской семье, о родственниках. Я, в свою очередь, о сгоревшей уральской деревне, о маме, тёте Вале. Она пела на родном языке свои, непонятные мне песни, я читала стихи о родителях, братьях. Когда, уже в конце путешествия, я рассказала о болезни и одиночестве тёти Вали, она неожиданно достала тысячу рублей и протянула мне. Не знаю, кто как бы поступил на моём месте, а я опешила. Она говорит мне: «Возьми!»

— Нет, я не могу это взять, как можно?

— Возьми, — настаивала она. — Ведь это не тебе, а тёте Вале. Положишь ей на ладонь и пусть она выздоравливает.

И тут я расплакалась. От участия чужого человека в судьбе родной тёти Вали, от желания Марии Кузьминичны помочь незнакомому ей человеку. И я взяла. Но *положила* эту купюру не в кошелёк к об-

щим деньгам, а *спрятала* отдельно – под корочку паспорта, чтобы именно эта купюра попала к тётё Вале.

Когда я вручала деньги тётё Вале, она всё время спрашивала:

– А кто она? За кого мне молиться-то? А она не приедет ко мне за этой денежкой-то? А то я издержу, а потом у меня не будет таких-то денег. Тётё Вале, всю жизнь работавшей честно, не получавшей никогда дармовых копеек, было дико, что чужой человек, передал ей, совершенно незнакомой, почти целую пенсию! Она успокоилась только тогда, когда я подарила ей фотографию Марии Кузьминичны, которую она поставила на столик перед своей кроватью.

Теперь, по истечении недавних событий, во мне утвердилась уверенность, что Мария Кузьминична – не от мира сего. Идёт от неё какое-то тепло, одежда у неё из цветных тонов, возит она с собой свой бубен, играет Она на нём, поёт Она национальные песни, которые хочется подхватить, даже не зная языка.

И оставила она в моей душе неизмеримое тепло и спокойствие матери, подруги, сестры.

КОНЬЯК

Навестить отца на кладбище в деревне за тридцать километров от райцентра мы собирались долго, путано, всей роднёй. Деревни нет, кладбище находится в трёх километрах от неё. А от деревни даже не все тополя остались расти, не выдержали они предательства людей. Только в начале деревни, на месте дома бывшего управляющего стоит тополь, приветствуя приезжающих. Жив колодец в центре деревни на том месте, где когда-то стояла школа. Теперь в трёх километрах от деревни другое, уже вечное поселение – кладбище.

Сестра Надежда подъехали на грузовике в назначенное время к дому брата. Подойдя к машине, я поймала себя на шальной мысли, а смогу ли я как в детстве легко залезть в кузов сбоку, через колесо? И как я была счастлива, что смогла! Сразу вспомнилось, как ездили в кузове грузовика в школу соседней деревни, как пели песни, дурачились. А теперь было приятно ещё и то, что в кузов, наполненный свежескошенной травой, входила вся наша многочисленная родня.

А родня у меня неприхотливая и, поминая усопших, не очень роется в напитках. Ну, и конечно, больше доверяют напитку «КВН», как назвала его однажды остроязыкая сестрёнка.

– «КВН» – это Коньяк, Выгнанный Ночью, – снисходительно подчеркнула мне Надюшка. – А ты разве не знала? Хошь попробовать?

– Нет, Надя, спасибо, я уж как-нибудь со своим напитком, – поспешила я тогда отказаться.

Вот и сейчас, чтобы не выделяться из всех, для себя я припасла крошечную бутылочку настоящего коньяка. Все знали об этой моей слабости и никто не претендовал на мой напиток.

Доехали благополучно. Почистили все могилки, сходили к бабушке Наталье – её могилка находилась чуть в стороне от нашей. Посетили всех земляков, давно или недавно похороненных на деревенском кладбище. Больно было слушать, да и самой разговаривать с теми, к кому мы приехали. Мы шли по кладбищу и тешили себя мыслью, что приехали в гости, как прежде.

– Чё жё ты, подруженька, лежишь-полёживашь, не встричашь меня, – прикладывала платок к глазам тётя Шура.

Она стояла у могилки Гали. Гале было чуть больше двадцати, когда пьяный тракторист опрокинул тележку с силосом и сидящими там молодыми женщинами с обрыва в яму. Силос придавил всех. Случайно отбросило в сторону только одну и она успела откопать одну из трёх. Две задохнулись.

– Что же ушёл ты так рано, Сашка? – спрашивала я на могиле друга Сашки.

– Тётя Маруся, а Гошка не приезжает на наши встречи, и не пишет мне, – жаловалась я на другой могилке матери одноклассника.

Поклонились всем, родным и неродным, и поехали в обратный путь. О моём напитке вспомнили на обратном пути, в машине.

– Где у тебя коньяк-то, Шура? – спросила Надежда.

– Сейчас достанем, – живо откликнулась я, сама только что вспомнив о напитке.

Но в моей сумке коньяка не оказалось. Я, думая, что он у меня остался дома, пообещала, что угощу всех по приезде домой. Но и дома я его не нашла. Не было его ни в одной сумке и других родственников. Я не очень расстроилась. Веря в потустороннюю жизнь, я решила, что его выпьет папка, поскольку коньяк исчез на его могиле.

Через несколько дней мы снова поехали в деревню. Жилых домов почти не осталось. Большей частью и пригодные для жилья, они были пустыми. Заселённым был только бывший дом Быковых, где сейчас жила тётя Нина Ивукина. Мы решили заехать к ней. В прежнее время наши дома находились на разных концах деревни, и мы не очень общались друг с другом. Но теперь, в разлуке, мы казались друг другу родней. Правда, её многочисленные гуси так не считали. Они гоготали, шипели. Один, самый длинношей, умудрился даже цапнуть тётю Шуру за сапог. Да так, что она от всей души выложила на него девятиэтажное возмущение. Выросшие в деревне, мы, тем не менее, не решились пройти через этот заслон.

– Гости-то какие! – всплеснула руками Зина, старшая дочь хозяйки, выскочив встретить нас и разогнать гусей.

– Здравствуй, Зина! – искренне обрадовалась я.

Она тоже не скрывала своей радости. Зина приезжала сюда из райцентра, сама ловила рыбу, помогала по хозяйству, скрашивая матери одинокую жизнь. Сама маленькая, юркая, она была для тёти Нины надеждой в этом заброшенном ауле. И тут она

быстро приготовила нам уникальное блюдо – жареных в сметане гальянов. Впоследствии, вспоминая его вкус, я не могу его ни с чем сравнить из всех городских деликатесов. Это неповторимый вкус!

Оказалось, что у тётки Нины уже есть гости, вернее, гость. Это был Шурко Таисыйн – так называли его раньше, который тоже когда-то жил в нашей деревне. Теперь это был Александр Чистяков.

Как и во всех деревнях, детей называли по родителям. Мы были Володи Гоголина, Юрка Ульянин, Колька Варварин, Юрка Санькин, Петька Натальин. Никого это не обижало, это уточнение было своеобразным подтверждением принадлежности к той или иной семье.

Александр был примерно такого же возраста, как тётка Нина. И было ещё одно открытие, ранее нам неизвестное. Оказывается, он был отцом Зины, хотя в браке с тётей Ниной никогда не состоял.

В разговоре выяснилось, что Александр был на кладбище, обошёл все могилки. Навестил, как сказал он, и нашего отца.

– Я два раза обошёл могилку-ту вашего отца, – подчеркнул он.

– Спасибо, дядя Саша, за память, – откликнулась я.

Хозяйки быстро накрыли стол, мы достали свои закуски и бутылочку водки. Дядя Саша, увидев водку, несказанно обрадовался и достал свой напиток. Это была малюсенькая бутылочка коньяка, точь-в-точь такая, какую мы потеряли во время поездки на кладбище, да так и не нашли.

– Это у вас настоящая водка? – спросил дядя Саша.

– Да, конечно, – недоуменно ответила я.

— А у меня вот коньячок, — с нескрываемым удовольствием сказал дядя Саша.

— Как? Настоящий коньяк? — в свою очередь удивилась я.

— Да, вот смотри: пять звёздочек.

Родня моя ничего не поняла. Может быть, оттого, что считали мой коньяк спрятанным мною же. А я поняла, откуда у Шурка Таисьиного дорогостоящий коньяк. Поняла, почему он подчеркнул, что два раза обошёл могилку отца. Легко обнаружив бутылочку, он, возможно, надеялся найти не коньяк, а общеупотребляемую водку, или на худой конец, бражку, что было бы для него гораздо дороже, чем мой фирменный коньяк. И потому так сильно обрадовался нашей водке. Коньяки всегда пахли клопами, по мнению моих односельчан.

— Можно я буду вашу водку пить? — спросил дядя Саша.

— А можно я буду пить ваш коньяк? — улыбаясь, спросила я.

Мы долго ели-пили, разговаривали, угощались жареными в сметане гальянами и все были счастливы. Неожиданно выяснилось, что дядя Саша очень эрудирован. Он много рассказывал о том, где побывал, где служил в Армии. Это был не грубый деревенский мужик, а воспитанный, деликатный мужчина. Он ни разу не перебил никого, да и за стол сел последним.

Во время застолья я подумала, что где-то незримо с нами рядом был и мой отец. Как будто это он передал нам свой коньяк. И ещё было какое-то утешение при распавшейся деревне, что каждый человек стал ещё дороже друг другу, ещё роднее. И Шурко Таисьин был уже дядя Саша, как родственник. А мы и не были против этого.

БОТИНОЧКИ

Валя опять забежала к Сане, чтобы поболтать о вчерашних танцах, помечтать о будущем вечере. И очень вовремя! Мама у Сани ушла на покос, а её оставила домовничивать одну. На улице, как и должно быть в июле, стояла духота. Девчонки напились квасу и вышли на улицу. Они сидели на лавочке у ворот и болтали, весело качая ногами. В эти минуты они на время забывали, что идёт война, что старшие братья и отец Вали на фронте, и что с утра они ещё ничего не кушали.

— Как я вчера отбрила Аркашку-то, слышала?
— удальски запрокинув голову, похвалилась Валя.

— И как только ты не напугалась его? Он ведь такой ершистый! — изумлялась подруга.

— А пусть не думает, что если мы бедные, так над нами изгаляться можно, — не унималась Валя.

— Ты знаешь, Валя, а я бы вот не решилась, я вообще какая-то трусиха по жизни, — призналась подруга.

— Да ты же на курсах трактористов тогда вон какая смелая была! — напомнила Валя.

— Дак это ещё в начале войны было! Да и в городе всё по-другому, там так легко затеряться. Я так мечтаю уехать туда к сестре. Только как я маму одну оставлю?

— А ты никогда не рассказывала о своём отце — где он? — стала серьёзной и Валя.

— Его убило молотилкой, когда мне был один годик, — вздохнула Саня.

Девчонки ненадолго замолчали. Но Валя не умела долго грустить. Помолчав, она вернулась к прежнему разговору:

— Ну, ладно, хватит ныть, давай лучше подумаем, как мы сегодня будем плясать на вечёрках у Марушки. И во сколь туда пойдём?

— А я не пойду туда, Валя, — выдавила из себя Саня.

— Как это ты не пойдёшь? — задохнулась от возмущения подруга.

Она никак не могла взять в толк, как можно отказать от вечеринки, где собирались все парни и девчонки, а иногда и солдаты из соседней части!

— Понимаешь, туфли, в которых я вчера отплясывала, у меня совсем распались, даже палец видно. Может быть, поэтому я всего боюсь. Мне просто стыдно выходить в такой обуви.

— Да ты, что, совсем, что ли? Я вон беру у своей сестры Нюрки туфли, в которых она на работу ходит. Она приходит с работы и спит, как убитая. И совсем не знает, что я в её туфлях выплясываю. Главное, чтобы к рассвету ей вернуть их. И ты возьми у матери какие-нибудь.

— Да какие у моей мамы туфли? У неё только сапоги, да и те резиновые, — продолжала горевать Саня.

— Ну, давай что-нибудь придумаем, а? — всё ещё надеялась уговорить подругу Валя.

А Саня уже не могла ничего говорить. Чтобы не разрыдаться, она быстро-быстро зашагала в ограду, притворив за собой ворота. Вале ничего не оставалось делать, как пойти домой. Мать, наверное, уже

ищет её, чтобы присматривать за младшими Петькой и Шуркой.

Не успела Саня успокоиться от тяжёлых мыслей, как во дворе залаяла собака. На Валюшку она так не лаяла. Саня торопливо выбежала за ворота. Там стояла запряжённая лошадь, а из телеги выпрыгнула соседка, почтальонка Фрося.

— Дома мать-та? — живо спросила она. — Посылка вот тут вам. Дак ты получишь, или мать будем ждать?

— Мама вернётся поздно, давайте я получу. А от кого посылка-то? — Саня вяло расписывалась в документе.

— Да из Камышлова, от сестры, видно, твоей, — объясняла словоохотливая Фрося.

Посылка была тяжёлая, но Саня занесла её прямо в горницу, как что-то очень драгоценное. Сначала она хотела дождаться мать с покоса, но любопытство взяло верх, и она помаленьку начала распарывать швы на мешке. В прошлый раз сестра прислала Сане два сарафана да матери чулки. Надежда, что сейчас там будет тоже что-то для Сани, подгоняла её. И она не ошиблась. Сверху лежало письмо. Но Сане не терпелось проверить содержимое посылки и она торопливо отложила его в сторону. Мешочек с какой-то крупой, два платка, ещё кое-что из одежды. И на самом дне, завёрнутые в старое полотенце, Саня, не веря своим глазам, увидела ботиночки. На счастье Сани, они с сестрой носили обувь одного размера. Синие ботиночки с небольшим, но заметным каблучком, аккуратные шнурочки, — таких ботиночек не было даже у Маруськи, которая считалась самой модной из всей деревни. Сначала Саня даже не поверила, что это не сон. Мысль об обувке так измучила

её, что ей показалось, что всё это во сне. Она ущипнула себя. «Нет, не сон!» – убедилась девушка. И тут она села на кровать и заплакала. Плакала от радости за неожиданный подарок; плакала от горечи, что их «зажиточных» родителей раскулачили, считая заработанный своим горбом достаток лишним; плакала от предчувствия радости мамы. И ей уже совсем не хотелось уезжать из дома. И здесь она проживёт нормально. А вечером зазнайке Маруське они с Валюшкой ещё покажут, где раки зимуют, и как умеют плясать бедные! Откуда было Сане знать, что всего через несколько лет, когда закончится война, она выйдет замуж не за кого иного, а за брата своей подруги Валюшки. И будет называть её не подружкой, а золовкой. И что ещё долго-долго они будут вспоминать эти дорогие ботиночки!

ЗАБОТА

Майское утро ярким солнышком сообщило о своём приходе. Да в доме Татьяны Николаевны уже и так все поднялись, не дожидаясь этого известия. Беспокойная дочь Людмила ещё с вечера надумала съездить на дачу. «На разведку», – шутила она. Татьяна Николаевна и сама истосковалась по земле, хотелось прикинуть, что, куда и сколько в этом году расположить на их шести сотках. Танюшка, внучка, убежала ставить очередные «болючие, как крапива», как она выражалась, уколы в больнице. А муж её, Сергей, ушёл раньше всех. Уж очень серьёзная была у него работа.

– Когда же вы разговаривать-то успеваете? – спрашивала иной раз бабушка Таня у внучки, – ведь он приходит затемно. Да и уходит ни свет, ни заря.

– Да, бабушка, было бы желание, а время всегда можно найти, – с улыбкой отвечала Танюшка.

Она вообще очень часто улыбалась, и улыбка у неё была какая-то особенная, светлая, как солнышко.

Татьяна Николаевна не могла нарадоваться на своих внуков. Сергея за его заботливый и покладистый характер она тоже считала своим внуком. Старшая дочь Людмила, разведясь с мужем, больше не хотела ни с кем заводить семью. И дочь её, Танюшка, с ранних лет, да, можно сказать, и дней воспитывалась при полном догляде бабушки. Людмила не страдала без внимания мужчин, охотники на её руку и сердце всегда были, да только она была непреклонна. Пос-

ле смерти отца забот в доме хватало, да и маму без внимания она не могла оставить. А младшая Лариса с мужем, отставным военным, да с дочкой Ксюшей жили на другом конце города.

Вот и сегодня опять зашёл разговор о праздновании маминого юбилея – в июле ей исполнится 70 лет. Татьяна Николаевна хотела собрать всю свою огромную родню, да повидаться со всеми. Благо повод для встречи был прекрасный.

– Людмила, нужно адрес Виктора найти, чтобы пригласить его заранее, – напомнила будущая юбилярша дочери.

– Ой, да рано ещё, мама, успеем отправить, – не согласилась Людмила.

– Да когда ещё дойдёт оно до Новокузнецка-то, – не унималась Татьяна Николаевна.

– Хорошо, хорошо, мамочка, вот после выходных и отправим, – сдалась Людмила.

Виктор был одним из братьев Татьяны. Сделав однажды свой роковой, как считали сёстры, выбор, он уехал в Новокузнецк к родственникам своей жены. И почти за двадцать лет, что прошли с тех пор, он только два-три раза навещался в Тюмень. Самый старший из братьев Александр год назад приезжал из родной деревни под Омском. В той же деревне жила и их сестра – Галина. Другая сестра, Мария, жила здесь, в одном городе с Татьяной. А самый младшенький, Лёничка, жил за тысячу километров, но в отличие от Виктора, бывал у Татьяны частым гостем. Добрый и заботливый, он и звонил чаще всех, и искренне переживал за её здоровье.

Надежда на скорую встречу с братьями и сёстрами окрыляла, давала новые силы. И Татьяна всё старалась продумать, не упустить никакой мелочи.

– Мама, пока ты умываешься и собираешься, я сбегаю на рынок, куплю что-нибудь с собой, – Людмила уже стояла в дверях с авоськой в руках.

– Хорошо, доченька, беги, да не забудь хлебушка, у нас мало, – напомнила хозяйка.

Зайдя в ванную комнату, хозяйским глазом Татьяна заметила непорядок: на дне ванны лежало полотенце, упавшее с вешалки. В доме всегда было всё очень аккуратно, каждая тряпочка и бумажка знали своё место. Татьяна Николаевна наклонилась в ванную и потянулась за полотенцем. Внезапно ноги поскользнулись на коврик, и в следующую минуту Татьяна полетела на пол. Ванная комнатка была малюсенькой, повернуться там было совершенно негде и, падая, женщина подвернула ногу и вдобавок очень больно стукнула её о шкаф.

Больница. Долгое, изнуряющее лечение, подвешенная выше головы нога, неподвижность в течение полугода, – всё это не давало Татьяне шансов надеяться на излечение. А сколько пришлось пережить Людмиле и Танечке! Каждый день приходила сестра Мария. Ещё чаще, чем раньше, приезжал Лёнечка. Доставали самое дорогое лекарство, но дело к выздоровлению продвигалось медленно.

– Скажите, доктор, когда мы можем надеяться на выздоровление мамы? – спросила в очередной раз Людмила у лечащего врача.

– О каком выздоровлении может идти речь? Это конец. Она не проживёт и недели, – безапелляционно выдал «заботливый» врач.

У стоящей рядом Танечки задрожали руки. Бабушка, которая учила её разговаривать, читать, писать, ходить, правильно вести себя – этот дорогой человек может умереть? С этим она не могла смириться.

ся! Взяв себя в руки, железным голосом, насколько был способен её бархатный голос, она вынесла свой приговор:

– Доктор, мы её забираем домой!

– Нет, это невозможно, я несу за неё ответственность, – пытался возразить доктор.

– Вам нужно застраховать себя? – Танечку, казалось, ничто не могло остановить, – давайте вашу бумагу, мы подписываем любую расписку и забираем бабушку домой.

С того момента прошло два года. Татьяна Николаевна в полной памяти и здравом уме остаётся хозяйкой дома. Несмотря на то, что она почти не двигается, во всех хозяйственных вопросах последнюю точку ставит она. Конечно, Татьяна Николаевна с тех пор не была на даче, но знает, сколько, чего и где посажено. Она решает, сколько нужно докупить картошки, чтобы хватило на зиму. Ей первой докладывают о всех покупках внука Танечка и Сергей, с её мнением считается вся семья. Она не исключена из рабочего цикла семьи. Ни Людмила, ни Татьяна ни разу не показали вида, что им трудно. Хотя хрупкой Танечке приподнять недвижимую бабушку, вес которой раза в два превосходит её собственный, совсем непросто. Она сама ставит уколы, сама бежит за лекарствами. Но что важнее всего, вся семья очень часто обедает вместе с бабушкой, в её спальне. Составляют две табуретки, накрывают скатертью и, улыбаясь, кушают.

Сколько стоит такая забота? Оказывается, целой жизни.

УСЛОВНЫЙ ЗНАК

Мало в нас доброты, не у всех есть чувство юмора, а те, у кого оно ещё сохранилось, боятся его проявлять. А доброта и здоровый юмор так необходимы в наше трудное время! Особенно в деревне, у наших стареньких бабушек, которые проводили своих деток в города, на юга и севера. И неважно, из какой они деревни – омской, курганской, или оренбургской. Русские бабушки, они и в Африке русские бабушки!

Деревня Чумановка когда-то была, как и многие деревни огромной, красивой и богатой. Широкая улица, густая травка конотоп, старинные дома. И сейчас ещё есть надежда на её восстановление. Руководитель грамотный, целеустремлённый, пытается остаться на плаву. В этой деревне полвека назад родился и мой муж. Конечно, все его там помнят и знают. И мы всегда с особой радостью приезжаем туда к родственникам.

В ту памятную весну навестить её заставила нас горькая причина. Хоронили старшего брата. Покойный Александр, жизнерадостный, подвижный, слыл в Чумановке кем-то вроде матери Терезы. Помогал пенсионерам по всем вопросам, защищал при необходимости от бюрократических проволочек администрации, навещал соседок напротив с единственной целью – узнать о их здоровье. А бабушки эти – Татьяна и Клавдия – держались они друг за друга в радости и в горести. И к нам в гости пришли разде-

лить нашу горечь. Посидели-поохали, вроде и домой уж им надо, а уходить не хочется. Когда ещё приедет столько народа? Видимо, каким-то внутренним деревенским чувством я это поняла, и неожиданно для себя пригласила старушек:

— Мы сейчас сходим на кладбище и будем готовить лапшу из курицы, приходите к нам на обед!

— Да вроде неудобно как-то — у вас своя семья, — застеснялась бабка Клава.

— А как же мы узнаем, что лапша-то готова? — перебила её Татьяна, видимо боясь, что та передумает.

— Ну, семья-то у нас не такая уж и большая, да и в деревне нас так мало, что можно сказать, что все одна семья, — ответила я. А что касается готовки, сейчас что-нибудь придумаем. Ну, например, дадим вам какой-нибудь условный знак. Например, повесим на ворота красный флаг. А вы, как увидите его, так сразу идите.

Время пролетело незаметно. Почему я забыла о своём разговоре с бабушками, я теперь не могу себе простить. Но когда обед уже был готов, хозяйка, сестра Галина, напомнила:

— А что, бабушек-то не будем звать?

— Да, конечно, будем! — опомнилась я.

— Дак посмотри в окно, может, Татьяна-то за воротами, так крикнем, да и всё, — посоветовала мне Галина.

Но уж очень мне хотелось доставить бабушкам удовольствие от смешного предложения с условным знаком и я, найдя ситцевый кусок красной ткани, кое-как пристроила его на воротах. Наблюдая в окно за сидящей бабкой Таней, я с удивлением заметила, что она быстро-быстро заковыляла в ворота. Сна-

чала я подумала, что она не видела моего сигнала и просто ушла. Оказалось, она закрыла дом на замок и быстро-быстро прибежала к соседке.

Потом уже рассказывали они сами. Придя к Клавдии, Татьяна застала её лежащей в кровати с газетой в руках.

– Кланьк! А, Кланьк! Ты чего это лежишь-то? – напустилась она на соседку.

– А что же мне делать-то? – возмутилась Клавдия.

– Да ты посмотри, флаг вывесили, надо на лапшу идти, – радостно сообщила Татьяна.

Бабушки, конечно, быстро пришли, принесли с собой свои небольшие запасы напитка, и мы долго радостно, по-родственному обсуждали идею с флагом – условным знаком. И теперь я уже не уверена, кому из нас было радостнее – мне или этим одиноким бабулям. Для меня гораздо важнее то, что последующие несколько лет бабка Клава и бабка Таня только узнав о нашем приезде, сами приходили к нам в гости. И мы опять весело и долго разговаривали, разговаривали и вспоминали тот красный кусок ситца.

ПРОВОДЫ

Весть о том, что Димулю забирают в Армию, не обрадовала, но и не испугала девчонок. Беспокоило подруг только то, в какой день недели будут проводы. Ведь им, как настоящим друзьям, тоже было делом чести достойно проводить его. Подружек было шестеро, да ещё сестра Димули – Маша. Переживали, не попадут ли проводы на рабочий, то есть учебный день. Школа в деревне была только до четырёх классов, а с пятого они уже ездили в соседнее село за десять километров. И домой приезжали на выходные. Не беда, что старшая из всех, Шура, училась только в десятом, на проводы собирались все. Леночка, Фанинка, Любушка, Аля и Валя были одним-двумя годами моложе. Получилось, как хотели – проводы были назначены на воскресенье. В понедельник Димуля должен уже быть на призывном пункте в районном военкомате.

– Девчонки, ура! – обрадованно сообщила Леночка, – в воскресенье на проводы к Димуле пойдём!

– Надо только собраться в школу с вечера, чтобы не опоздать на машину, – сбила пыл обязательная Люба.

– Да успеем, соберёмся, – поддержала Лену Аля.

– Да, а вдруг не успеем? – засомневалась правильная Валя.

Валечка всегда была очень идейной и порой невыносимо нерешительной. И не потому, что боялась

строгой воспитательницы в интернате Екатерины Михайловны. Порядочность в ней, видимо, была заложена с рождения. Но остальным казалось, что Валечка по своей порядочности чем-то была похожа на строгую воспитательницу.

— В общем, решено, идём на проводы, — Шура, как старшая, подвела черту под всеми спорами. — Только соберите вещи с вечера.

С воспитательницей интерната Екатериной Михайловной считался и директор школы Николай Викторович. Очень ответственная и строгая, она требовала такого отношения и от своих подчинённых, и от своих коллег. Когда-то она была директором детского дома. Конечно, там за всё и всех отвечала только она. Так же она относилась и к нынешним воспитанникам, хотя у всех их были свои родители. Девчонок порой возмущало, что она не разрешает им и того, что разрешают родители. Тем не менее, все беспрекословно подчинялись, потому что уважали любимую воспитательницу именно за её справедливость. Но иногда могли в знак протеста выкинуть что-то из рамок вон выходящее.

По неписаным законам на проводы тогда собирались в одной компании и молодые, и старые. Молодые считались все парни и девушки, которые не состояли в браке. Таковых, конечно, было больше. Вот и к Димуле собрались большей частью молодёжь. Приехали его одноклассники из соседней деревни. Подруги у Димули не было, но девчонки знали, что ему нравилась одна из них.

Пили тогда девчонки или не пили спиртное, история умалчивает. Но наутро все, как договаривались, вовремя собрались к Димуле, чтобы попрощаться и ехать в школу. Машина уже стояла возле

дома призывника — догадливый водитель знал, где можно собрать большую часть школьников. Плакали все навзрыд, словно провожали рекрута на войну, хотя время было мирное, а в Армию Димуля шёл с охотой.

Уселись в кузов грузовика и поехали. Все страшно завидовали Марии, что она может, как сестра, прогулять школу и ей ничего не будет за это. Ехали молча. Каждый вспоминал всё самое хорошее, что было связано с Димудей. Он был для нас тогда старшим братом, другом. Вот уже и ненавистное село показалось — выехали на степь. И тут Шура решительно спросила:

— Ну, что, девчонки, вылезаем?

Думали ли об этом девчонки, трудно сказать. Но все, словно ждали этого вопроса. И уже были готовы. Ответа не пришлось долго ждать. Только Валечка заикнулась, было, об уроках, о Екатерине Михайловне. Но Шура уже стучала кулаком по кабине. Сердитый водитель, обозлённый почти напрасным рейсом, пригрозил директором. Но девчонки уже не слышали его. Все повернулись к грузовику спиной и зашагали в родную деревню.

— Девчонки, а у меня капрон грязный, — Фаинка торопливо стягивала чулки с ног.

— И у меня, и у меня, — все вдруг заметили грязь на своих чулках.

— Да вон смотрите, какая чистая вода в луже, давайте постираем, — сказала Алечка.

Дорога в десять километров уже не пугала нарушительниц дисциплины. Конечно, все знали, что их ждёт в интернате, но ведь это будет не сейчас, и даже не через час. Надев мокрые, но чистые чулки, подруги шагали на проводы. Очень надеялись на по-

путку и, увидев грузовик, разом остановились. А за рулём оказался тот водитель, который приезжал за ними, чтобы везти в школу. Но надежды девчонок не оправдались. Мстительно улыбаясь, водитель дал по газам и, обрызгав подруг, умчался. Однако, это не расстроило, а только развеселило их.

У ворот призывника стоял совхозный автобус. Мест в нём хватило и на девчонок. Как прошли проводы, знает асфальт на привокзальной площади. Помнят люди, которые вместе с родственниками Димули провожали своих сыновей и друзей. В пляске девчонки стучали каблуками от всей души. Пели частушки о милом, что в Армию ушёл, и об измене, и о верности. Но всему бывает конец. Напелись, наревелись и – присмирели. Надо было возвращаться в интернат. Молча девчонки шагали с автобуса. Куда делась их удаль?

– Пошли к Екатерине Михайловне, – обречённо сказала Шура.

– Пошли, – хмуро согласились все.

– Вы хорошо повеселились? – таков был первый вопрос Екатерины Михайловны. А теперь пора отвечать за свои поступки. Идите к директору школы. Если он разрешит вам остаться в интернате, можете оставаться.

– Что, девочки, нужно? – Николай Викторович был, казалось, сама любезность.

– Да вот, Николай Викторович, мы уроки прогуляли, Екатерина Михайловна отправила к вам, – потупив голову, ответила Алечка.

– Все вместе? И почему? – директор школы был искренне удивлён.

– А мы Димулю в Армию провожали, – боясь наказания, вздохнула Фаинка.

– Как это вы могли так плохо поступить, что

всей командой прогуляли целый день? – директор возмущённо поднял голову от стола.

– Понимаете, Димуля такой парень, что его нельзя было не проводить, – Шура использовала всё своё красноречие, чтобы хоть немножко склонить директора на свою сторону.

– Ну, что вы мне говорите! Я сам знаю, какой Димуля парень! Ну, ладно, идите в интернат, учите уроки на завтра, – сменил гнев на милость директор школы.

Окрылённые нечаянной удачей, девчонки бежали в интернат. В глубине души они понимали неправильность своего поступка, но не жалели о содеянном. Строгая Екатерина Михайловна скоро их простит, потому что завтра они снова будут послушными и обязательными, как тому учит она. Хотя бы до тех пор, когда Димуля вернётся, и они пойдут к нему на встречу. Но это будет уже совсем другая история!

ОЖИДАНИЕ

Он всё ещё молчал. Белый, вычищенный хозяйской до блеска, не хотел звонить. А хозяйка так и сидела с мокрой салфеткой в руках, время от времени задумчиво поглаживая телефон. Как будто желала «подлизаться» к нему.

Стрелки на часах в зале, между тем, подкрадывались к цифре «8». То время, к которому муж должен был вернуться, было на две цифры ниже. Обычно, задерживаясь на работе, муж звонил, предупреждал; порой даже не один раз. Именно потому, что сегодня этих звонков не было, от молчания белого друга тревожные мысли без труда заполнили весь разум хозяйки. И ветер, как будто в сговоре с ними, больше и больше старался обратить на себя внимание. Он то стучал в металлический подоконник окна спальни; то горстями швырял снег в окно; то выл, как голодный волк, стараясь вселить в ждущую женщину страх.

Состояние, в котором находилась хозяйка пустой квартиры, случалось и прежде. Но свыкнуться с ним – это значит, изменить самой себе. Это состояние за более, чем двадцать лет жизни на севере и работы мужа сначала в геологии, затем у нефтяников, было, можно сказать, постоянным. Но не привычным. Слишком сильно Она любила своего суженого, чтобы смириться с тем, что Он, голодный и замёрзший, может в это время идти по холодной и тёмной тайге. От одной этой мысли противные мурашки пробегали по телу.

Выйдя в коридор, Она с надеждой остановилась у единственной надежды на связь с Ним – у чёрного телефона. «Может быть, этот первый зазвонит?!» – подумалось Ей. Но чёрный – чёрный и есть. Он предательски зловеще молчал.

И сын, как назло, где-то задержался после университета; и дочка из Тюмени не звонит, потому что уже знает, что папа задерживается, и сама ждёт сообщений о его приходе домой.

«Был бы у него мобильный телефон, не мучила бы себя так тревогой», – в сотый раз корила себя Она.

Опять побежал лифт по своей работе. И опять Она приникла к дверному глазку. Нет, работяга-лифт проехал мимо.

Ужин давно был готов, но необходимость чем-нибудь заняться, гнала на кухню. Появилась спасительная мысль порадовать мужа чем-нибудь особенным. «Фарш, тесто, – постряпаю-ка я пельменей». Но и этот час стряпни тянулся, полз, кряхтел, будоража дурными мыслями.

Решившись на последнее – побеспокоить диспетчерскую службу цеха, где работал муж, Она подошла к чёрному молчаливому другу.

«Была срочная работа. Задержался. Выехал с Быстринки на дежурном автобусе минут сорок назад. Ждите», – с пониманием ответил дежурный диспетчер.

Ветер, как будто услышал это, снова рассердился комком снега в окно. Но ждущей женщине уже не страшен был этот всплеск злости северного ветра. Главное, что Он не в тайге, не среди снега и ветра, не идёт пешком. Он в тёплом автобусе, с людьми. Он едет ко мне, домой. А день этот, вечер тревожный уже заканчивается.

И, действительно, за пять минут до полуночи тихонько и довольно лязгнул ключ в замочной скважине. Муж всегда делал это осторожно, тихо, чтобы не побеспокоить никого из домашних. Но сегодня в этом не было никакой необходимости, потому что долгожданного звука ждал, казалось, весь дом, вся семья! В ярко освещённом просторном коридоре со слезами на глазах стояла ОНА – хозяйка. Мать. Ждущая Жена. А в проёме двери появился ОН – Муж. Отец. Нефтяник. Мастер.

– Прости, милая, подъём вышки был очень сложный. Нельзя это делать без мастера. Даже в вагончик некогда было зайти, чтобы позвонить тебе.

– А я так волновалась, так ждала тебя, – целуя, прошептала ОНА.

– Поэтому я здесь, я спешил. Я вернулся, потому что настоящий мужчина, когда его очень ждут, обязательно возвращается.

Уходят от нас события, связанные с дорогими людьми и важными событиями в горькое название – «прошлое». С годами забываем мы всё, что было когда-то. Кажется, всего десять лет назад не стало моей мамы, а сколько всего произошло с того времени! Новые события затенили старые, и мы начали забывать, забывать... С вполне понятной ностальгией я взяла в руки мамины письма и поняла, как не хватает мне этой связи с тем далёким и недалёким прошлым из восьмидесятых-девяностых! И я поняла, что мамины письма – это моё бесценное богатство – должны прочесть мои сверстники. Те, чьи мамы оставлены одни в деревнях и городах, которые каждый день ждут, ждут... и это типично для всех мам. Может быть, строки из писем моей мамы напомнят тем, у кого есть мама, какое это счастье! И то, что ценить это нужно при жизни мамы.

МАМИНЫ ПИСЬМА...

31.08.1981 г., понедельник

..., я поздравляю ещё раз тебя с началом учебного года. Ты ведь сейчас у меня Александра Владимировна. Лёня поди уже в тайге? Одна, возможно, живёшь, ну ты ведь у меня молодец, никого не боишься... я теперь вымыла всё дома сверху и покрасила полы эмалью. Очень красиво. Завтра остригу овец, сегодня Ваня набрал армию парней и словили их, привезли домой. А после всё перестираю. И половики. И будем копать картошку. Танька Худякова, зав. клубом, получает 120 р. Пётр Иванович Ватагин продал дом совхозу за 650 руб. Уезжает в Катайск, наши все на месте... напиши: ты хоть крошечку поправилась или ещё хуже стала? Ну ты ведь не напишешь я знаю...

16.09.1981 г.

...только деревня пришла к разрухе, наверное, все уедут. Закрыли школу, больницу, даже и магазин. Сейчас нам сильно плохо. Если не найдут продавца, то всё увезут. И так после Альки почти не работает магазин. Она работает в КБО в Катайске, не знаю, кем, а Валя Худякова хочет сбежать с работы, так как её не увольняют даже и после регистрации. Они были с женихом. Тамаре он понравился. Я бра-

ла адрес и опять потеряла... да и она, наверное, уже уедет оттуда. Там садики на колёсах, в вагончиках живут...

1.10.1981 г., четверг

...спешу сообщить вам, что получили два письма и фотки. Так смеялись над тем, что отец обнял – заставили силой. Он сейчас говорит: дурак я. Фотки всем понравились, очень чисто Лёня сделал. Ведь он у нас молодец... я задержалась с письмами весьма по важной причине: С. словила наших гусей 10 шт. И отправила их в далматовские Ключи за 100 км от нас. Я неделю ходила, хлопотала пешком. Залил дождь, больше недели льёт. Только вот 29 сентября привезли, а увезли 23. Я все милиции спознала, сейчас у нас конфликт. Я даже простыла, заболела гриппом... А к Саше ездили. Серёжа ходит босиком, полные ботинки воды... я узнаю, если можно снять деньги с твоей книжки в Сургуте, то я положу здесь тебе 200 руб.

31.10.1981 г., суббота

...вот мы и дома. Доехали очень хорошо, в поезде никакого ЧП не было... Дома всё в порядке, отец не пировал, ходил за скотиной. Овцы народили ягнят пять штук, вот он и сидел с ними. Да и магазин не работал, а то бы не вытерпел. Передали ему посылку, он и пел и ревел, выпил один. Целый вечер хвастался. У нас обычно клуб кинопутешественников, вот он и ходит им доказывает: Лёня выслал, Лёня выслал...

3.11.1981 г., четверг

...Ваня были с Ниной вот в это воскресенье 28 ноября. Ваня помог отцу колоть свиней. Три уже закололи. Ещё одна большая. А в зиму хотим маленьких оставить – было у неё 7, четыре быстро продали по 25 руб., купили комбикорму 3 ц, да валенки выкупили. Скатали отцу, мне и тебе. За работу очень дорого 5 руб. за один фунт, а было всего 16 фунтов, всего 80 руб.

25.02.1982 г., четверг

...Только вот ты, моя милая, всё ещё, видимо, не знаешь, что я теперь уже дважды бабушка. Оксана у Вани с Ниной уже улыбается...

23.03.1982 г.

...сообщаю вам, моя родная доченька, что получила от вас сразу два письма. Одно ты писала 6. 03., второе 11.03, за что и большое спасибо, как будто я поговорила с вами. Ты ведь у меня напишешь, навряд ли кто так напишет...

28.03.1982 г., воскресенье

Здравствуйте, мои милые, мои любимые, самые мои хорошие зять Леонид Николаевич и доченька, зоренька моя ясная, звёздочка ты моя неугасимая, родная моя кровинушка Шура, просто Шура! С огромным искренним приветом к вам я. Спешу сообщить, что получила от вас письмо, которое ты писала, моя родная, 15.03...

24.03.1982 г.

...я ещё в том письме, что писала 22-го, забыла написать, что ковёр я заказывала в КБО два года назад, только что выткали. Надо 540 рублей. Такой красивый...теперь он лежит у Дины Иван. До осени я никак не могу выкупить. Если будем брать, я скажу, чтобы ждали или выткут другой к осени... я забыла тебе написать, что в субботу у Людки Калошиной свадьба. Я заходила к ним. Очень много считают людей. Лариска говорит: «Какой у нас Саша красивый, купил мне новое платье», – и кажется мне. А Валя Худ. уехали в Свердловск в запретную зону. Видимо, дали квартиру... напиши насчёт ковра. Отказаться, что ли?... ..Ждала кино на второй программе. Уже 12, а кино не состоялось. Пойду лежать, маяться, не могу спать... А утром надо вставать в пять часов. Автобус ходит сильно рано, полседьмого... рыба не ловится, Серёга ходил ловил, нисколько нет. Лёд полтора метра...

11.04.1982 г.

... у меня столько работы дома я целый день ползаю всё из-за них... Корова и два бычка, трое сви-ней нуф-нуф, 13 овец, трое гусей, 18 кур. Воды идёт 20 вёдер в день, так что хватит...

24.05.1982 г.

...у нас после этой пенсии оставалось восемь руб. Вот я с 10 мая (сегодня 24) израсходовала 3 руб., у меня ещё есть пять руб., я думаю хватит до 8 июня, т.е. до моей получки... у нас никак не мочит, ни одного дождика не было, как растаяло. Воды нигде нет, водопой почти пересох, не знаю, что бу-

дет...я всё ещё мечтала жить, а жизнь ушла незаметно...Шура, не рви мои письма. Умру, считаешь (мама)...

27.09.1982 г., понедельник

...Родные мои, сообщаю вам, что сегодня у меня очень радостный день: получила от вас долгожданную телеграмму, наконец-то вы дома в своём далеком Сургуте, зачем только он есть...

...может, я перегрустила о вас, мои дорогие, родные. О тебе, моя милая крошка, ведь ты у меня одна-единственная. Кто мне поможет так, как ты? Зачем ты в такую даль ушла от меня?

Ну ладно хватит хныкать, от этого легче не будет, только хуже.

Вот и всё, мои родные. Сильно скучаю, потеряла покой, всё боюсь ступать, всё думаю: Юля спит. Как она, моя родная, себя чувствует...

...я ведь не очень долго проскриплю...

27.10.1982 г., среда

...пока хорошо себя чувствую. Ты за меня, родная, не переживай. Я сейчас поправилась, стала толстая, ты меня не узнаешь. Бог со мной. Полежала в больнице, у меня стал хороший аппетит, только вот бы ещё спать хорошо. Насчёт того, что сбежала, это правда. Только заработало сердце, я сбежала...

11.11.1982 г., четверг

...пишу это письмо в час ночи. Никак не могу заснуть, вся забота на одну. Всё ещё не привезли сено и дрова. Трактора все сломаны и лошадей нет, хотя

бы на лошади возить. Директор вообще издевается над пенсионерами. Никто никуда не пишет. Никому не дал ни зёрнышка хлеба и никакой помощи нет. Вот пока и все новости... Саша Худ. помер, сменил папку. Хоронили до праздника.

25.11.1982 г., понедельник

...я тебе всё писала, что положила 100 руб. на твою книжку и обо всех домашних делах, а их у нас невпроворот. Теперь ведь всё на мои плечи: надо покормить скотину и надо стало подвезти сено – всё иду сама. Надо колоть скотину – опять иду нанимать. Всё надо деньги. Ещё дрова не вывезли, опять надо идти трактор хлопотать, а потом распиливать – опять моя забота... пиши быстрее, моя родная, насчёт приезда, сделаем обед по папке и, возможно, я с тобой уеду к вам, погожу. Что-то сейчас после смерти Брежнева стало страшно в городе. Неужели правда может????...

31.01.1983 г., понедельник

...Лёня, извини меня, что я не поздравила тебя с днём рождения. С этими хлопотами совсем заплужалась, да столько работы – на одну хватит до зубов. Пока до свидания, мои золотые. Всё равно когда-нибудь приеду к вам, мои родные...

12.02.1983 г.

...у нас здесь температура целую зиму выше 30 градусов, даже было – 47 градусов. Я не помню такой зимы. А сейчас ещё и метель, всё замело. Я в магазин на коленках ползаю – совсем нет дороги... занесло меня вместе с домом. До крыши снега. Витя

Ватагин сейчас уехали отсюда, мы совсем остались одни, списанные. Ещё Юра Ватагин уедет, нам не вылезти будет из снега...

25.03.1983 г.

...Не скучаешь ли ты, мой ангел, по родине, «вдали от России» – это из песни, ну ведь ты сама виновата. Как я умоляла тебя не ходить такую даль... приезжайте же вы хотя бы в Тюмень, а то я с тоски згину... я сейчас смотрю кино «Карл Маркс» и думаю: он хотя пять лет разлуки с детьми, а мне пожизненно с тобой. Ты ко мне не сможешь и я так же...

... я приеду, когда родишь Вовку...

11.04.1983 г.

...спешу сообщить, что письма я от вас получаю чуть ли не каждую почту, за что и материнское спасибо тебе, доченька...

18.04.1983 г., понедельник

...родная ты моя, как же я передам тебе свою неутолимую тоску, исцемило моё сердце о тебе, обернулась бы я птицей и прилетела бы к тебе, сказала бы тебе свою горькую жизнь...

13.05.1983 г., Оз.-Вавил, пятница

...горячо поздравляю вас с сыном... Ну для папы, конечно, надо сына. Только вот как вы его назовёте? Я всё мечтала Володей. Смотрите, дело ваше. Главное, воспитать человека добрым, а имя он сам красит... дорога сейчас сухая, ходит автобус и хлеб

возят на хлебовозке – специальная машина. Погода хорошая плюс 20 гр. Начинают пашут огороды. Димуля в первую очередь себе вспахал и бабушкам своим, а нам когда придётся...

1-е июня 1983 г., вторник

...спешу сообщить вам, что сегодня получила опять ваше дорогое письмецо, спасибо тебе, родная, не забываешь меня, одинокую былинку...обо всём я тебе описываю: и о работе, и о здоровье. В огороде посадили 15 мая. Помогали ребята. А коров пасти 12 июня. Два дня как-нибудь. Вот сегодня убирала навоз из пригонов, года два не убирали у свиней и овец. Сегодня решила выкидать. Наверняка две тонны будет. Так устала, ещё письмо пишу.

27.09.1983 г.

...у меня осталось работы: загородить сено, нарубить дров, вывезти с огорода ботву, вывезти гряды с огуречника, вывезти сено с огорода в огуречник, а после уже по мелочи работа...

17 октября 1983 г.

...большое вам спасибо, что не забываете меня, одинокую сиротку. Ведь, представьте себе, мои родные, как мне трудно после такой шумной жизни остаться наедине со своей судьбой. ...Растила всех враз, учились все враз, и враз все разлетелись, как птички из гнезда...

14.11.1983 г.

...ты спрашиваешь, когда собираюсь колоть

свиней. Вот привезут водки в магазин, и буду колоть. За каждую голову литр водки, и за каждую волокушу (?) сена надо отдать в совхоз бр. 30 коп. и бутылку водки за каждый зародок. Вот рассержусь на всё и продам всё, сама уеду куда-нибудь... Письмо начинала писать раз пять и всё не получалось, да это несурезица письмо...

5.12.83 г.

...Сегодня были Саша, Ваня. Нарубили дров Серёже и стралевали в кучу, теперь надо возить, опять надо деньги. Никак не могу рассчитаться с вами. В тот месяц отдала Серёже за хлеб 36 руб., а в этот кололи свиней Гена с Толей сватом, покупала им 4 бутылки белого, да за сено в трёх местах, тут 20 рублей... почему Юля держит ручку левой рукой, приважай её в правую...

15.12.1983 г.

...Ну как-то хожу целыми днями. Воды каждый день надо вёдер 10, навоз убрать, еще за хлебом сходить. Хватает работы. Милым внучатам не могу выслать. Муки ни грамма нет, конфет привозили только участникам войны. Прямо неудобно, хотя бы состряпала что-нибудь.

31.01.1984 г., вторник

...зачем ты мне пообещала Лёню и даже телеграмму прислала? Я всё это время нахожусь в движении, всё это время, с 25 января постоянно каждый день бегаю на автобус. Всё приготовила: сделала Вове подушку из свежего пуха и съездила избила шерсть, а его всё нет и нет, я нигде не нахожу

покою... Покупала для встречи два литра водки и они пошли в расход. У малого братика родилась дочь неожиданно нежданно негаданно...сегодня купила им коляску и одеяло ватное. В общем сто рублей в расход. Теперь у меня почти нет запаса... Да и чёрт с ними, с деньгами. Ведь он остался живой. Может, и заработает что-нибудь....ведь вам я почти ничего не помогаю, а у вас уже всё есть и семья у вас 5 человек, это я пятая тоже на вашей шее... Серёжа ещё никак не назвал девочку. Серёжа хотел назвать Шурой, ну Марине не нравится. Поздравляю с племянницей...

18.02.1984 г.

...Шура, у меня дома всё в порядке, вот только скучаю очень, не умею я одна жить. Ни есть, ни спать не могу, всё жду кого-то. Представь, моя родная, столько было молодёжи, а теперь я как будто отбываю срок в одиночной камере...да я вообще-то помру, как моя мама, никому не надоем, у меня есть такое предчувствие...Сережа назвал девочку Аней, я очень обиделась. Это Нина придумала. Видимо, очень маленькая, не может плакать, нисколько не растёт. Не знаю что из неё будет...

26.03.1984 г., понедельник

...сизжу сейчас, как заключённая, вспорхнули все, улетели, опустело моё гнёздышко...

5 мая 1984 г., суббота

... я уже тебе писала, что не старайся ты мне ничего покупать, ведь у вас своя семья, Лёня один работает. А вот простые платки очень нужны, большое тебе спасибо. Острая нужда: нет мате-

риалу на наволочки. Если попадётся сатин, то хотя на две купи. На две наволоки надо три с половиной метра. Когда приедете, я рассчитаюсь... а вот эссенции можете взять бутылочки две... свиньи меня съели полностью: 600 вёдер картошки, 6 центнеров пшеницы, 4 центнера комбикорма и всю мою пенсию. Они теперь такие, каких колют осенью, а дальше не знаю, что делать с ними. Всё вышло. И они тяжёлые, колоть нельзя, а хряк опять не ложен, тоже никто не возьмёт. Из гусей ни черта не вышло, стоит такой холод – минус 10 градусов, вся вода застыла. Коров я отпала 30 апреля. Чуть не погибла... Валя очень рада твоей открытке, только Генушки уже не было, опять слёзы...

31.05.1984 г.

...сегодня получила от вас это радостное письмо о вашем приезде. Сейчас мне ещё длиннее дни и ночи. Особенно ночи такие длинные, ложусь обычно в 12, а встаю в пять и то такой неровный сон, часто пробуждаюсь и вскакиваю, как будто вы стучитесь...

...Лёне большое спасибо за дрожжи, а то ведь и состряпать не на чём... у Сергея Анна уже ходит и будто опять ждут ребёнка... очень хочу, чтобы съехались все под одной крышей, как желал этого и папка. Очень жду, только бы скорей...

2 сентября 1984 г., понедельник

...немного утомилась. Видимо, с сеном. Правая рука опять забаловала, горит ночью и терпит... вам большое спасибо от меня, гвоздика, она меня спасла от комаров, мазь не стала реагировать, а я одеколо-

ном напрыскаю одежду и 4 часа действует, да ещё за перчатки спасибо, очень удобные копать картошку... половики вымыла, да ещё, самое главное, колодец сделали. Это для меня большая радость. Ваня отдал полжизни, навозил колёса от «кировца» и один с ними возился, а они каждое по тонне.

Правда мы с ним уже собирались класть в колодец, как неожиданно появился Серёжа всей семьёй, и он крепко помог ему...у него большая авария с комбайном, лопнул коленчатый вал. Ему весь комбайн разбирать, а это очень трудно и тяжело. Не везёт ему в жизни – такой худой, и Анютка еле жива, ходит в садик и всё хнычет. Плохо спит и плохо ест...

1.10.1984 г., понедельник

...как получите квартиру, приеду к вам, надо не надо, приеду. Враз мне всё надоело. Такой перегруз работы. Буквально всё заболело: и голова, и сердце, а руки вообще отказывают. Если сложить всю работу, что прошло через мои руки: и сено, и дрова, и воду, и навоз – это будут горы. А воды будет море. Как им не болеть...С покосом справилась. Витя Ватагин отдал свой покос и выкосил. Я ему уплатила 10 руб. Одна скопнила 11 копён, а считать помог Ваня и сват. Сейчас надо городить. Опять нанимать. Жердей сходила нарубила и заболела прямо на поле. Или утомилась, или что. Поднялась температура 38 градусов. И началась рвота. Жерди были очень тяжёлые, таскала за 300 метров, ближе не было. А с картошкой полжизни отдала. Весь сентябрь лил дождь, даже снег. Я до одного гнёздышка выкопала одна. Правда, Серёжа последнюю леху помог копать и таскать...всего накопала 500 вёдер. 350 ссыпала в голбец и в яму 150 гнилой. Моркови 10 вёдер, свёклы

8 ведер. Всё убрала в яму... сейчас надо очистить хлев для скота, перевезти сено, убрать гряды огуречные из сенника и нарубить дров.

25.11.1984 г.

...сейчас мне будет полегче, скотины убавила. Осталось опять два свина, корова, бычок, трое овец, 12 кур, 4 гусака и всё. Ну да ещё хватит работы. Сено вывезли сегодня Ваня с Вовкой Д. привезли последнее...

20.01.1985 г., воскресенье

...а гусей всё-таки опять оставила себе на бессонницу... мне ничего не надо покупать. Только уж сильно мне надоело это знамя – кофта малиновая. Я тебе ещё дома говорила... да ещё чёрного перца горошком, и молотого не могу негде купить...

19.02-1985 г., вторник.

Московское время 3 часа 30 минут

...зато у меня такая хорошая Малина, умница. Сейчас даёт 13 литров, а если покормлю хлебом, то и 15. Приезжайте! У меня сметана, творог. Сама ничего почти не хочу. Да ещё такой красивый бычок Ждано, сейчас уже весит около трёх центнеров, да ещё Смена белая вся и одни уши чёрные... Диму Быкова избирают депутатом... по выборам у нас Лилия председатель, секретарь – Танька Худ... не пути, не дороги к нам в аул...

26.02.1985 г.

...Пару слов о себе: чувствую себя немного луч-

ше, а если что и болит, да это уже старость. Отвечаю на все твои вопросы: сена вроде бы хватит, хотя только уже ползарода остаётся. Дров тоже немного уже, да вот опять забота – Вовка Д. уронил огород. Так хорошо загораживал папка – был ещё живой, а теперь вот как растает, надо сразу городить, а жерди он все приломал. Ну, может, сделают ребята... Насчёт овец это, говорят, часотка смертельная, да если бы я не заболела, то бы спасла их, а то ведь три штуки нарушились. Одну я обработала эссенцией и она ожила. А рогатиков кормлю, они у меня все белые: Малина, Ждана и Смена. Пою тёплым. А вот с гусями не знаю, что делать. Оставила, а зерна нет. Покупала почти два центнера и не хватило. Эти изверги не дали Серёге не кг. Так мучился с комбайном. Хлеб пока дают, я вот серого купила 30 булок, на неделю хватило. Теперь опять не знаю как...

29.02.1985 г., вторник

...очень рада за ваши обновки поздравляю тебя, моя радость, с такой дорогой вещью. Я ума не приложу, как вы решились. Это ведь целая корова, даже и больше. Спасибо Лёне, он ничего не жалеет для своей жены. Вот уж я теперь похвастаю. Только боюсь: в ней страшно будет бандитов. Снимают даже дешёвые вещи...если не уеду к вам, то отсюда всё равно придётся уезжать, хотя бы до Шутино. Порядка совсем нет, к нам в свои Шиши даже не делают дорогу, на конном дворе даже нет бочки привезти воды. Руководство так и не сменяют, по-прежнему пьют безбожно, какой же порядок в пьянке. Скот гибнет на ферме и вообще не подъём, а

развал настоящий; совхоз всегда в убытке. Не знаю, что думают вышестоящие органы... самое главное здоровье. Хотя бы был медик, а то ведь некому завязать и пальчик...Иван бывает чаще всех и помогает больше всех...малый опять собирается в отпуск в апреле, а Ване в сентябре. Опять никакой выгоды, сено не помогут косить...

11-го дня. Понедельник

...дома всё в порядке. День рождения отметили хорошо, было очень весело. Только не было тебя и Саши...Саша был на неделю раньше, так что в праздник его никто не подменяет. Такой нарядный, такая у него хорошая шуба и дорогая шапка, сапожки красивые. Так ему идёт. Я даже не узнала его – так давно не видела после болезни. Стало и радостно, и обидно...были подружки Шура Давыдова и Шура Дуракова . Ваня подарил мне шёлковый платок, да ещё простынь за 8 руб. Шура Кузнецова капроновый платок, тоже очень красивый. Шура Давыдова наволочки сатиновые. Шура Дуракова кашемировый платок. Валя Чистякова перчатки летние... была гармонь, балалайка. В общем весело. За все праздники, что я болела... Гошку Худ. забирают в армию 18-го марта отправлять.

11 апреля 1985 г., четверг

...я тебе писала не беспокоиться, зачем посылку? У нас сейчас всё есть, даже у нас в магазине... Вот только если поедешь, если есть простые рубашки, то хотя парочку купи, ещё калоши- босовики глубокие, и ещё марли в окна, летом вставлять. Да эссенции пару бутылочек, больше не набирай...

24.04.1985 г.

...потеряла покой. Жду даже ночью. Сон или что, слышу твой голос: «Мама, открой». Я встала: «Кто?». Никто не отвечает. Снова пала на койку до утра с открытыми глазами...

Родные мои, дорогие мои, здравствуйте!

Опять это я. Огромный вам привет и тысячу спасибо за посылку. В этот день у меня было сразу две радости: ездила в Шутино, приезжаю домой – у меня дом открыт. Я в начале испугалась, а потом зашла. У меня приехали Саша с Любой и Ромой. Мы с Сашей сходили, нарубили дров кубометров пять, и я еле домой пришла... Я очень настаивала съездить к тебе. Может быть, соберусь сама зимой, когда отдоит корова...

...пришли мне в письме хотя бы один стержень к ручке. Нигде нет, писать нечем... я свяжу носочки и вышлю бандеролью. Пока до свидания. Кончилась паста, еле написала.

29.09.1985 г. (мама)

...отличная погода, убрали хлеб, вспахали зябь, может, и Озеро воскреснет... я не нарадуюсь на колодец, 50% работы сбыло... ты правильно говоришь: осенью опять оставишь всех, я уже решила. Корова, тёлка, покупаю у Вали два поросёнка, гусей и 15 кур. Если Серёжа привезёт хлеб, а если нет, то сбавлю. Пока до свидания, мои хорошие. Ждите посылку, чеснок. Остаюсь жива здорова...

6.12.1985 г.

...милая моя я, опять капитально упала. Пошла давать коровам сено, набрала пласт на вилы и хоте-

ла кинуть через огород. Как верхняя жердь сломалась на остальные! Как бухнула я вместе с сеном. Ну упала на жерди, а не на сено. Или же сломала ребро, или два, не знаю. И сильно ударила сердце. Две недели совсем не могла дышать и даже говорить... Пришла Валя, я ей говорю: «Сердце где-то вылетело». Она говорит: «Ишиши под диваном»... учительница с Галей-медичкой готовятся к ёлке, обещают сделать ёлку...

25 декабря 1985 г.

...наверняка ты обижаешься, что пишу я редко. Ну ведь три письма я пишу каждый месяц. Наверняка, не доходят, что ли. Ведь я тебе писала обо всей нашей деревенской жизни, писала о том, что расшибалась, писала, что Танька Худякова сдала магазин Люсе. И что готовят ёлку с медичкой и учительницей. Ещё писала, что ездили на похороны к бабушке Анне, Васи Чистякова матери, а сейчас вот померла бабушка Парасковья. Быкова Маша приезжала на похороны. Даже и о дороге, что делают дорогу. Вот уже до деревни довозили щебёнку, к весне капитально сделают.

1 марта 1986 г.

...я одно утро встала и не могу выйти во двор, дверь доверху занесло снегом. И колодец, и сено. Я с таким трудом открыла. Ни одних ворот не видно, все базлают и даже себе воды нельзя достать. Сейчас сделали дорогу только до магазина, а нам, особенно у водопоя, сделали горы метра 4. Я ползаю не коленках. Юрка Ватагин ходит на лыжах за хлебом... Так всё нормально, ферма моя растёт. Но-

ворожденный Ромка большой уже, да овец теперь трое. Как начну продавать, только рога забрякают. Да чушки уже кг по 40. Всю пенсию прокормила им...

9.04.1986 г., среда

...ещё спрашиваешь, есть ли дрожжи. Было весной море по три руб. Я брала два кг. Да ведь сейчас такая строгость – ходят, ищут по домам... так, что боишься сделать. Трезвость – норма жизни. Только вот кто пойдёт метать или дрова рубить без рюмки? ...не заботься об огороде. Ваня сегодня уже немного подремонтировал... начнётся кропотливая работа: посадка картофеля, грядки для огурчиков есть. Не могу, а всё равно садить собираюсь. Ваня привёз семян и огурцов, помидор, морковь и другие. Всё Ваня, а никто другой... пора заканчивать свой роман... ещё бы написала, да страшно заболели зубы, пошла реветь...

3.06.1986 г., понедельник

...милая ты моя, очень верю тебе, что ты ждала напрасно Ивана. Ну только очень прошу: не сердись на нас с ним... ну у него уже такой характер – он не может оставить меня, пока я тут есть...

25.06.1986 г.

...я садила 100 кустов помидор и 80 кочней капусты. У нас прошёл град, всё побило, даже и лук весь побило. И ливневые дожди. Всё залило. Наверное, и картошка вымокнет, а она опять замерзала уже не один раз. Не знаю, что будет, отойдёт всё или нет. Сырая холодная погода это вообще такое...

меняется климат, что ли. Или остывает солнце от этих атомов... новостей почти нет. Тамара Овчинникова вышла замуж в Катайск, там она и работает в детской больнице. Была богатая свадьба, было 9 машин, был и Дима Б. Всё ещё загорает дома и говорит: никогда не поеду...

13 августа 1986 г.

...сегодня, доченька, собираюсь за грибами. Надо было грести, мы покосили с Сашей и Ваней, и снова дождь. Только вот боюсь: к нам завезли в лес диких кабанов, вот так. А те годы я ходила в лес одна и нынче всё равно пойду одна... Продолжаю письмо. Сходила. Никто не съел, набрала два ведра. Сырые. Большие не пойду... выльет нас проливной дождь на мою кошенину...

26.08.1986 г.

...Пока жива, здорова. Только вот настроение к жизни исчезло, несмотря на то, что накосила сена. Один покос удался, хорошо – Ваня помог. А второй достался до потери сознания... вчера, т. е. в субботу 25.08, сделала пять копёв, пришла и пала, даже не подошла корову... Саше обещали отпуск в сентябре, не знаю, дадут ли. Хотя бы он приехал на денёк-на два... О Серёге не вести-не весточки, даже не напишут.

27.12.1986 г.

...огромный вам привет и тысячу процентов здоровья....

1.02.1987 г., воскресенье

...мне так скучно. Особенно, когда эта впервые такая суровая зима, когда замело меня вместе с домом, и воеет эта буря каждую ночь, как голодный волк... строчку о себе: скриплю, хожу в своей ссылке... уже говорить разучилась и песни все забыла...зачем-то опять рюхи, какие-то гаги, той весной с ними намучилась, ещё не поняла. Да какая-то Валя, да родила ещё две пеганые Вали, да одну белую. И не кормит, вот и хожу за всеми отдельно, да опять Ждано народился...а эта рюха всю пенсию съела, сейчас хлеб-то ещё дороже стал, да дают по 650 грамм на человека, вот и поживи... у нас сейчас в связи с перестройкой светапереставление. Наверное, всех потрясут вплоть до рабочего. Будто сняли уже директора совхоза, зоотехника...было у нас собрание вместе с пенсионерами, меня избрали в совет ветеранов, чтобы помочь другим, а у меня у самой- то не сена, не корму нет...очень боюсь за вас за всех из-за Рейгана (чтобы ему подохнуть).

26.04.1987 г.

...Вот и скворушки прилетели, а когда же вы ко мне прилетите?.. особенно сейчас, как поехали старожилы и дома остаются пустые, вообще уму непостижимо... я испытала себя на прочность, представила, что я поехала и дом заколотила. Дошла до водопоя и в слёзы. Коля Ватагин повёз своих родителей, они тоже все раскисли. Ну, а что делать, если не дают возможности жить, приходится распрощаться... всё ещё нет садика, да и в школу-то некому ходить. Так что остров будет или хутор какой-нибудь... воду для питья вообще не знаем

где брать. Эти болотные ямки все затопило, дома у меня полный колодезь навозной воды, набежало, так что надо пойти к магазину, а дорогой непролазная грязь. Вот по горло воды и пить нечего...

24 августа 1987 г.

...и только что приехала Аля пасти коров и передала мне ваш гостинец, за что и большое спасибо... Девочки очень довольны вашим гостеприимством. Очень понравилась квартира, говорят: одна роскошь. Только Аля простыла, заболела ангиной, больно уж «тепло» одета. Ребята после отъезда почти не были. Ваня делает гараж, Серёжа на уборке, от Саши не вести, не весточки. Не знаю, где Серёжа маленький... Дров так и не нарубили... вот позвала Сашу Д. с «Дружбой», ну они поехали поздно с Петей Чистяковым. Срубили всего 10 шт. Я ходила, чистила, ну у меня болит бок... Сено сметали. Ещё Дима выкосил у кладбища. Ну я не успела одну копну, она погибла под дождём. Сейчас перемыла все половики, сделаю печь и буду копать картошку. Как выкопаю, приеду к вам на весь ноябрь...если Валя не останется, буду продавать всех «граждан»...

12 сентября, суббота 1987 г., 4 часа утра

...что-то никак не спится. Несмотря на усталость, всё-таки не могу заснуть. Или это врождённая бессонница...

30.09.1987 г.

...Только вот ты, моя любимая трудолюбивая пчёлка, напрасно просишь прощения за редкие письма. Я ведь хорошо понимаю, сколько у вас дел и за-

бот... хочу прилететь к вам, мои родные, но нет у меня крылышек... картошку выкопала, несмотря на то, что и удар сильно мешал, и погода. Всё равно до одной картошины одна выкопала и накопала 400 ведёр, и одна стаскала... затопило нас вообще. Я хожу по ограде только с опорой, не могу ноги вытащить – полные ямы воды, полные голбцы. Водопой вышел из берегов так, что лодку что ли делать... мы сейчас с Улей Громовой одни в этом Государстве. Старик Хоттабыч уехали со своей Любавой к Быковым...Гражданина я сдала на 340 руб. Денег нет у совхоза, только к Новому году навряд ли рассчитают, а гражданку не берут. Тоже хотела сдать... я так с ней намучилась. К нам за ними не заходят пастухи и мы с Маней Емельяновной гоняем утром до Феди, и вечером встречаем всё там же, а в деревне непролазная грязь. Вот я и занимаюсь бегом утром и вечером... если я не соберусь к вам, я не знаю, как же я вынесу, когда поедет Иван. На меня напала такая скука в это и без того печальное время осени! Летят листья с деревьев, а когда полетели журавли, я вообще представила себя вот такой одинокой беспомощной журавушкой, что еле сдержала слёзы. Вот они построились клином, впереди вожак. Я представила: вот это Лёня. А рядом ещё один: вот это ты, Шура, а за ними с обеих сторон ещё Журавки – это Юля и Вова. Вот и машут мне до свидания. Пришла в дом и разрыдалась...

6.10.1987 г., вторник, 11 часов вечера

...выкопала картошку, сдала на 100 руб., а остальную всю ссыпала в голбец. Казалось бы, всё стало на свои места. И вот 2-го октября открываю голбец, смотрю: мои картофелины плавают по гол-

бицу, я тут и ахнула! А её там не много-не мало – 250 вёдер. Начинаю ловить, а они все гнилые. И вот, моя родная, я опять снова выловила их и высыпала в избу. Сейчас у меня похоже на овощехранилище. Сейчас снова надо перебрать её и туда ссыпать. Яма полная воды, а дождь льёт и льёт, непролазная грязь...уезжают, одна я не могу собраться. Если не умру, то на будущий год не буду косить и дрова рубить, скорее уеду. А то всё тяну, тяну. И для чего себя отдаю в такую каторгу...

23 ноября 1987 г.

...вот я после такой роскоши снова на острове. Опять перед домом разбитое корыто с навозом...

15.1988 г.

...как вам уже известно, что в городе я жить не смогу, особенно у вас – такую даль от Родины... поверь мне, что я не видела и не детства, и не юности, с семи лет водилась с братьями и сёстрами, игрушки я даже не представляла, что за куклы. Когда пошла в школу, мне было восемь лет. Приду из школы, сразу водиться. К великому удивлению, окончила начальную школу с почётной грамотой. Все педагоги боролись за меня, чтобы я училась. Отец сказал «хватит». Я столько пролила слёз о школе, чуть ума не лишилась...

29.03.1988 г.

...начну с погоды. Наконец-то я оттаяла, как снегурка. Вот пишу и руки не мёрзнут...за счёт своего жира не замёрзла...

8 сентября 1988 г.

...обижаешься, что я опять косила. Ну ведь я болею вовсе не от работы, а всё старое, все переживания отразились...я сейчас вроде чувствую себя неплохо, если бы всегда так было. Картошку я выкопала одна, накопала 300 вёдер, всё ссыпала в яму и голбец. Ребята увезли по мешку, у них плохая, как горох... Ульяна ведь уезжает, я совсем одна здесь на острове. Да и больница сейчас не работает. Галя уехала в Шадринск... прости, почта у нас не работает письмо хочу отправить с Ульяной, она поехала на тракторе с Лёней Брызгаловым получать за Анну деньги 600 р., вот и увезёт. Тамара в отпуске. Вот и мучаемся. Витя Ватагин тоже увольняется...вот и магазин закроют, если не найдут продавца...

17.11.1988 г.

...теперь, когда на улице «буря мглою небо кроет», то становится так жутко на душе...как узнаю о вашей жизни, напишу целый роман...понесу эту записку на почту...

20.12.1988 г.

...очень хочу вас видеть, были бы у меня крылья, прилетела бы я к вам, снова обижаюсь на Лёню... очень часто вижу, Шура, тебя во сне, и всё ты мне снишься маленькая. Чем чаще снишься, тем сильнее скучаю, и это всё из-за Лёни, как будто он тебя у меня выкрал... приближается Новый год, только у нас его не будет. У нас не то, что ёлка, даже уже службе быта некуда приехать. У клуба все окна выбили, у конторы падает потолок. Так что буду праздновать на своей печке с балалайкой, настоящий «Емеля»... я связала Юле и Вове носочки, да вот

не знаю как отослать, вот куплю может хотя сала, пришлю вам небольшую посылочку. Ваня вчера одну рюху забил, теперь у меня поменьше работы. Остались Ждана, Звездана, три Вали и одна рюха, 4 гуся и 8 кур, 1 ку-ка-ре-ку. Всё бы хорошо, да воды нет в колодце, рублю прорубь на водопое и таскаю...

25.02.1989 г.

...ума не приложу, как много мне лет! Уже шесть десятков с половиной прожила, или вернее, просуществовала, из которых навряд ли выберешь хотя бы один год радости...

23.06.1989 г.

...я прочитала про вашу реку Обь, так расстроилась. Давайте выезжайте оттуда... читайте и выезжайте...

5.03.1989 г.

...птицы собираются на юг, а вы улетели, мои родные, на север...

3.04.1989 г.

...у меня всегда был непочатый край работы. Вот сейчас я имею такую нагрузку, что на нежных женщин на 10 человек хватит...

13.04.1989 г., четверг

...я всё смотрю в сторону острова, где мы с тобой сгребали сено. Нагребли на 6 тонн. Думаю, что Сургут в той стороне... у меня в субботу был Ваня, приходил пешком...

4.05.1989 г.

...а мне всего жаль. Папкиных трудов. Каждая щепка нажита своим трудом. Не могу я оставить бесследно...

14.09.1989 г.

...не жалею за твои годы. За то, что ты среди хороших людей, живёшь в такой жизни. Живи, родная, и за меня тоже. Я ведь почти и не жила на этом свете.

16.1990 г., вторник

...если хныкать, бесполезно – сама виновата, если не могу сдвинуться с места. Вот сижу и жду, когда замёрзну...снег вровень с домом, я стала карабкаться, хорошо была лопата в сених. И стала пробивать тропинку «гражданам», а они все базлают, и я базлаю – руки болят, огребать не могу... всё же пошла... так до магазина шла больше часа, а обратно уже не было и следа моего. Я думала, погибну между Быковым и моим домом... только ты не расстраивайся, я всё равно живая. Картошка в ведре на кухне застыла, а я нет.

20.01.1990 г., воскресенье

... спасибо тебе за то, что ты положила мне сахара хоть немного. здесь объявили: три месяца не будет до апреля месяца. Поеду к Саше, возьму с собой... береги себя. Если будешь Саше высылать туфли, не забудь, положи мне перчатки и, если до-станешь, то резиновые и одни бумажные; перца, чаю, чулки – вот и всё. Если есть, то хотя карамелек с полкилограмма...

19.//. 1990 г.

...О себе и своей державе: слава Богу – не замёрзла... вот я немножко оттаяла и связала вам всем шерстяные носочки: Лёне, тебе, Юле и Вове. Как бы переслать быстрее...да ещё задавилась курица на клетке и потерялась гусиха из оградки – вот такая у меня беда. Ну, это всё поправимо, можно восстановить. А то, что серьёзно заболел мой старший брат Иван Иванович – это уже непоправимо, и едва ли что он встанет в строй... нам совсем заморочили головы с этими выборами. Наши местные агитируют за своих районных, а из Кургана приехали, говорят: вычёркивайте их, они бюрократы. Кажется, ни за кого не надо...

14.05.1990 г.

...лишь бы не подвело здоровье, а оно у меня сейчас хрустальное... Да пройдёт же, наконец, это всё – такие люди не умирают.

21.03.1991 г.

...у нас сейчас новый директор. Говорят, очень добрый человек. Обещает дорогу. Тёте Вале приказал сделать новое крыльцо, она с радости плачет. ждём лучшего...

4.04.1991 г.

...и снова нет у нас врача, и нет автобуса. Так, что делать нам нечего... домики у нас все разобрали дачники. У Вити Чистякова тоже дачник, у Дураковых живут, у Ивана Ивановича живут. У Пети Худякова, У Толи Шангина, у Веры Афанасьевны. В общем, все пустые дома разобрали...

2.08.1991 г.

... если бы не прислала сахара, то бы я объявила себе голодовку, всё ещё нам не давали ни конфет, и ни сахара. Я ещё дала Вале стакан ...

18.08.1991 г.

...ну сейчас у меня будет всё в норме, впервые после Сургута получила пенсию на руки 203 руб. с компенсацией пенсии 129 р. Занимала у Гути 80 рублей, отдала ей. Сейчас больше не буду занимать... в магазине по-прежнему ничего нет, сахара всё ещё нет, да и хлеб дают нормой – одну булку, редко две... так и не привезли к нам даже ни разу арбузов. Никаких витаминов, попробуй здоровье восстановить. А как у вас у всех здоровье? Что изменилось после приезда Ельцина в Сургут?..

12.09.1991 г.

...внукам, Юле и Вове, очень крепко советую подтянуться в учёбе... это не они, по их рассуждению не по возрасту. Ведь мама никогда не имела столько ошибок. Даже у бабушки, т. е. я, несмотря на то, что у меня отец умел только расписаться, а мама совсем не знала ни одной буквы, а я нянчилась с младшими. Нянчилась с братьями и сёстрами, и училась только на отлично. Дак вот, мои милые внуки, прошу исправиться – больше читайте и пишите....

17.10.1991 г.

...с работой справилась: вымыла половики, и в избе сейчас вставляю окна. Получила зерна два цен-

тнера. Рюхи растут, уже гарантия по 35 или 40 кг мяса будет. Ксюша уже гуляла с кавалером, её наверно не будем резать, а Борю приезжайте в ноябре, увезёте, а мне хватит гусей...

09.12.1991 г., понедельник

... а я эту рюху решила кормить всю зиму. Не знаю, хватит ли у меня духу. Хлеба дают по 300 гр. на день. В магазине ни крупы, ни макаронных изделий ничего нет... да была хотя бы картошка... ну увижу, если выйду на край, то пришлётну её... Декабрь для меня очень тяжёлый почему-то... если достанешь корвалол, то пришли пожалуйста, и пенталгин. Медика опять нет. Да ещё численник обеим с Валец, а то я, как дурак, после вашего просвещения, как в темнице сижу одна, и ни о чём не знаю...

4.1.1992 г.

...об этой ничтожной жизни нечемучной, ну всё-таки написать обязана, пока существую только лишь...одолевают скука, одиночество вьюги, вой проводов и лай собак – этот остров близ Диканьки...власти вообще нет, этот Хр. только пьёт, а оклад ему повысили до 1000 рублей, вот он и вообще ни во что не вникает. Машину ему легковую продали за 2000, так что ему всё до лампочки...

28 января 1992 г.

...а посылку получила ещё в декабре... в которой была кофточка. Это для меня квартира со всеми удобствами, такая тёплая вещь. Бывает, даже сплю в ней, если холодно на улице...только вот в магазин ничего не привозят, сахара уже нет с июля

месяца. Ты мне присылала, я уже давно пью чай без сахара, как бы ни старалась экономить Ну ведь у меня картошка ещё есть, жир я купила с осени 7 кг. Купила крупы ячневой 50 кг. Только вот молока нигде не могу купить, замучила изжога, уже желудок болит. Едим с рюхой вместе ячневую кашу, она у меня уже большая, водила к кавалеру. Отнесла хозяевам Ивану Демьяновичу бутылку водки за 45 руб. Если всё нормально, то к 1-му Мая будут детки. Так что кончай болеть, приезжайте, сразу весной разведём с тобой с/ферму...чаще всех бывает Иван. Вот в самый холод приехал, сделал камин и печь подремонтировал. А то бы застыла... я буду молиться на коленях перед богом за твою жизнь...если сказали бы ешь землю или стекло, я бы решила, только бы чем-то тебе помочь...

25.//.1992 г.

...мы с тобой не из нежных, мы всё вынесем, вытерпим, будем жить всем смертям на зло, будет и на нашей стороне праздник...так что помирать мне ещё рановато, есть у меня ещё дома дела...

27.02.1992 г.

...да и сама я вот мне уже 68 лет, я всё ещё плачу о маме. Не могу искупить свою вину перед ней, что я однажды не дала ей рубль на хлеб. Уже много носила милостыни и денег, а всё болею за это... да и вещи не старайся ты, моя хорошая, и куда мне тряпки? У меня пока есть, да и лежат у нас в магазине пододеяльники по 168 рублей, а у нас с июля месяца ни одной конфетки и не грамма сахара. Хлеб возят ржаной наподобие кирпича и то по

цене 1, 26 р. Иногда бывает и высший сорт булочка 0,400 – 3р.50 коп... можешь поздравить с медалью за долголетний добросовестный труд, «За победу в Великой О/в с 1941 по 1945 г.» Обещали выдать проездные билеты, а большие пока никаких льгот не слышно. Слишком уж поздно догадались, когда победителей-то уж и нет... Да ещё ездила в Шутино на утверждение стажа с 14 лет. Мне утвердили ещё три года 38-39-40. Сейчас у меня, если войну засчитают, в двойном, то у меня будет чуть ли не 50 лет, а толку-то что...

14.03.1992 г., суббота

...да, ты бы знала, что творится у нас в районе, не говоря уже о нас. Этот Г. всё растранижил, его заместитель Б., это женщина, её обкрали – новый автомобиль и много вещей. Дефицита, а нам с июля месяца ни грамма не привозили ни конфет, ни сахара, обрекли на голод. Директор совхоза К. сделал торги в Шутино. Были блины, пельмени, пиво Жигулёвское, масло сливочное по цене 50 руб. Они, подлые, нам даже не сообщили. Хр. вообще не помнит, что мы есть. На что только его держат, всё ещё пьёт и живёт для себя...

26.///. 1992 г.

...что написать о себе: пока тарахтю ещё, слава Богу. Ну, что-то с наступлением весны захитрялась. Опять усилились головные боли, а так же и сердце. Ну, всё равно не поддамся, я ведь сильная такая... нам вручили медали за период Отечественной войны, у меня ведь с 1938 г. стаж, так что эти пять лет войны все вошли в стаж. Сейчас бесплат-

но проезд в пределах своего района – первая льгота. Я не могла без волнения в этот день, и слёзы, и радость... мне так надоело одной. Я уже говорю сама с собой. Иногда жалуюсь рюхе. Скажу: «Пойдём, рюха, по воду», – она пойдёт и ждёт меня у Быковых...

09.04.1992 г.

...во-первых сердечное спасибо за помощь. Эти 200 руб. меня так выручили, я сейчас богатая. Кстати, привезли к нам сахар, наконец- то, по цене 85 руб. Я пила чай с солью, и как получила перевод, я пошла и отвесила сразу 3 кг. Это на 262.50 коп. Я вышла из магазина, у меня даже кровь остановилась, мозги повернулись задом наперёд. Немного постояла и думаю: этих бумажек ещё напечатают, а я могу отдать концы...

18.05.1992 г.

...ждали Победу, как святой день. Нами сами-ми пережитая война. Купили веночки, я хотела в память об отце повесить. Появилось объявление: «У монумента навших митинг в 10 часов. Х.» Мы пришли к 9.00, а они уже были. Бросили два венка и никто не удосужился нас подождать и поздравить. Валя чистила и белила обелиски, на коленях ползала, и даже её не пригласили. Я пришла, она плачет...Ваня был в родительский день, привёз два венка – отцу и бабушке Наталье...да ещё привёз мешок комбикорма, а то мы с рюхой были уже при нуле...

10 октября 1992 г. , Покровская суббота

...что бы я делала, если бы не Иван? Несмотря на то, что он перенёс такую операцию, приезжа-

ет каждую неделю. Вот и сейчас уже третий день живёт у меня. Я так рада, стала спать ночью. Поговорим, и нет никакого страха, а то ведь я совершенно одна в ауле. ...с праздником Октября не поздравию, потому что никто его не празднует...

7 ноября 1992 г.

...Я с первого октября в больнице... Ваня ко мне ходит каждый день... Ваня в самый трудный момент пришёл, мне от одних его слов стало легче. Как же я ему благодарна... Ваня за всех отвечает и через день ездит в Озеро... пока всё, пошла плакать и грустить по дому и по вас...

8.02.1993 г.

...молю за тебя, родная, на коленях, прошу Бога за твою жизнь и если есть Бог, то он услышит материнские слова... Все, кто тебя знает, желают тебе только самого доброго за твою доброту и чуткость... привет тебе шлют т. Валя, т. Шура Давыдова и т. Шура Дуракова. Все желают тебе полного выздоровления...да спасёт тебя Бог...

18.03.1993 г.

...сообщаю, что послала вам небольшую посылочку, не обижайтесь. Перевод получила, большое спасибо. Кстати, купила два мешка муки по 1000. За посылку отдала 120 руб., да и прочие расходы. Поеду в Шутино – нужно покупать поросят или какую-нибудь живность, пока могу, для себя хотя выкормлю. Спешила послать с Кузнецовой, у нас почта почти не ходит. Деревня вся развалилась, скот угнали, школу продали. Вообще пустыня...

22.04.1993 г.

...сейчас пока дома. Ну хожу на уколы, а это всё из-за квартиры: отдал директор всё шутиным, а мы как не люди, так я и осталась на этом диком острове. Сейчас в Шутино ни на чём не попадёшь, хлеб возят раз в неделю. Ну ведь худо нас, если мы никуда не двинемся. Как-то ещё выборы организовали, у Вити в доме будем голосовать...

5 мая 1993 г.

...сейчас торчат остатки от школы и от медпункта: похоже, прошёл фронт... почту не привозят по две недели... ваше письмо шло две недели. Я получила 5 мая, которое ты писала 19/04. на референдуме был опять Х., я не стала голосовать, он так убеждал, что пенсию повысили и придёт автобус, чтобы стали голосовать, а потом до того напились, что его увезли на «Скорой помощи». Вот и вся любовь: барина всё нету, барин всё не едет.

15.06.1993 г.

...порядок в деревне ещё хуже, совсем нет никакой бригады. Директор говорит: «Одни пенсионеры, можно хлеб не возить»...абсолютно пустой магазин... молоко стоит 50 рублей литр и ни у кого не купишь... деревня похожа на трофей после фронта. Вот такие дела... я ведь привыкла – при вашем появлении вся деревня оживает... я скоро не смогу писать, что-то случилось с глазами враз. Надо срочно к окулисту. От слёз, наверное, а их уже пролито больше нормы...

10.09.1993 г.

...обстановка у нас взрывоопасная: хотят и магазин закрыть... насчитали 60 тысяч, ну заменить нечем... По-прежнему нет никакого транспорта, нет и врача. Обещали девочку, ну она не поехала из-за автобуса. Вот такие дела, как всегда, а жизнь продолжается... тебе привет от всех бабушек и всей вашей семье.

20.11.1993 г.

...пару слов о себе: живу хорошо, очень здоровая, только вот: право руля, лево руля – вон там у Алёши с Дусей видна земля. Теперь, когда уехали дачницы Гутя и Ульяновка, я почувствовала себя дикообразной... правда, купила у Дураковой овцу, её зовут Машенькой, иногда разговариваю с ней. Держу её под замком, пока не своровали. Купила у сватов поросёнка, он тут же у меня умер... Вот сегодня опять несчастье: петух покончил жизнь самоубийством из-за голода. Директор не дал ни зёрнышка и отказал нам от хлеба. Люська возила на лошади раз в неделю, он и лошадь забрал... магазин вообще закрытый. В общем амба нам придёт скоро... погода как назло весь месяц ноябрь минус 25, у меня в комнате минус. Застыла картошка и тряпка, которой мою пол, а я всё равно живу и не замерзаю... обо мне не тужи: завод насосный закрыли на месяц и у меня живёт Ваня вторую неделю. Хотят на этой неделе с Сашкой Давыдовым рубить дрова. Дров у меня только до Нового года, и то навряд ли хватит... а вот если буран, мне надо учиться ходить на лыжах, а то ведь дорогу мне не отыскать...

22.12.1993 г.

...обстановка в ауле взрывоопасная, пенсию пока ещё дают, слава богу. Получаю 40 тысяч, если сравнить по прежнему, то 400 руб. Даже и меньше, да и купить-то нечего и негде: магазин совсем закрыли, увезли все товары, уже три месяца не возят хлеб и почту... транспорт весь забрали. Ни трактора, ни лошади. Дали нам по 1 центнеру зерна. Это было страшное зрелище: везли, кто как мог: кто на стиральном корыте, кто таскал ведрами со склада...был праздник пожилых людей, никто не удосужился даже поздравить хотя бы по радио. Отмечали в Шутино и даже не сообщили в Озеро. Такой жестокости никто не ожидал.

14.02.1994 г.

*...Здравствуйте, дорогие мои северные уточки...
...Пишу письмо и не знаю, дойдёт ли оно, когда ещё оно дойдёт до Шутино. Я уже писала, что у нас закрыли магазин. Один раз приезжает почтальон Мария Павловна. Приносит пенсию всем вместе. Хлеб не возили три месяца, сейчас возит автолавка раз в неделю, автобус приходит по желанию шофера, опять вот не был уже три дня. Не знаю, когда опять у них появится желание приехать. Власти совсем нет, да её и не было раньше. Директора совхоза посадили вместе с зоотехницей К., что ездила к С. Они украли голов 100 скота, их заловили на мясокомбинате, одели наручники. Прощай, свобода! Вот мы сейчас похожи на беженцев, или ещё хуже. У ребят завод закрыли на 2 месяца, не знаю, будут ли им платить...*

...у нас зима была спокойная, а февраль всем месяцам февраль! Минус 40 и 35. Ну, жизнь продолжается, всё равно надо выжить. А зачем? Вот мне, например, наверное уже хватит мучиться, одни уколы уже надоели. Ну сейчас сыновья обещаются справиться 70-летие. Придётся ещё жить до 8-го Марта...

25.04.1994 г.

...у меня Ваня опять приехал. После рождения уже четвёртый раз. Сергей был один раз... А с Ваниным приездом мне становится сразу легче, опять давление проклятое, опять надо 20 уколов... Новостей нет, деревня совсем развалилась. Правда, как-то ещё по какому-то случаю возят хлеб и ходит автобус... перевод всё ещё мне не даёт Любава, а я опять купила мешок муки за 27 тысяч и севка 2 кг. Ну скоро может дадут пенсию...

26.03.1994 г.

...Ваня у меня живёт больше, чем дома. Работает три дня в неделю, остальное время живёт у меня. Сергей так и не бывал... Саша хочет купить рюху, мне надо везти денег. Что-то, говорят, задержат деньги пенсию на два месяца, не знаю, дадут или нет?

После праздника всё постирала, сейчас надо готовиться к Пасхе, мыть не могу, особенно потолок: кружит голову. Придётся нанять кого-нибудь.

Дачницы мои всё ещё не приехали: ни Ульяна, ни Гутя. Я всё ещё мэр города...

5.09.1994 г.

...милая моя Шура, я ведь март прожила, как у Христа за пазухой. Это в том смысле, что у меня было усиленное питание – оставшийся запас от праздника... Саша больше не приезжал, Сергей и не думал, а Ваня был уже три раза... остров мне надоел необитаемый. Столько бы никто не прожил в таком одиночестве...

***Базлают** (о скотине) – ревут.*

***Валя** – такая кличка была у всех овец.*

***Голбец** – подпол.*

***Граждане** – вся рогатая скотина.*

***Леха** – часть, половина огорода, разделённого межой.*

ОШИБЛАСЬ КУКУШКА

Озаряясь лучами с востока,
Синим лоскутом озеро всплыло.
И кричала кукушка без срока –
Сотни лет деревеньке сулила.

Жил крестьянин в работе и вере,
Был доволен избой и амбаром.
За отцов и детишек уверен,
Знал, что жизнь проживает недаром.

Опустился на озеро вечер,
Покосилась пустая избушка,
В одиночество кутая плечи.
Нет деревни.

Ошиблась кукушка...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
СТИХИ	
Ты живёшь в моей памяти, мама... ..	6
Письмо к матери.....	7
Не опоздайте.....	8
Маме.....	9
Молитва мамы	10
«Нынче всё, как у классика вышло...»	11
Со Христом.....	12
Свет в окне.....	13
Не стало мамы.....	14
Мой дом	15
Детство.....	16
Родительский дом.....	17
«К пеплу не прикоснулась...».....	18
Родина	19
Землякам	20
Кусочек радости	21
«Я “по-волчьи” законов общенья...»	22
Памяти А. Н. Л.	23
В День рождения.....	25
«Мне с городом пыльным расстаться...»	26
Клин журавлиный	27
«Вот в поле ромашковом люди...»	28
Было время.....	29
Счастливая	30
Хочу домой	31
У могилы матери.....	32
Господь с тобой	33
 РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ	
Мамочка (Письмо в прошлое)	34
Баба Валя дома?	37
Тётя Дуся и тётя Нина	41
Попутчицы.....	46
Троицкая суббота (Очерк).....	50

Лекарство для мамы.....	55
Голуби.....	61
Родня.....	63
Мария Кузьминична (Очерк)	69
Коньяк	72
Ботиночки	77
Забота.....	81
Условный знак	85
Проводы	88
Ожидание.....	93
МАМИНЫ ПИСЬМА	97

Александра Владимировна Лазарева

ОШИБЛАСЬ КУКУШКА

Редактор А. А. Козловский

Сдано в набор 26.02.2007 г. Подписано в печать 26.03.2007 г.
 Формат набора 84х108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ.
 Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,14. + 0,05 вкл. Уч.-изд. л. 8,16.
 Завод № 2. Тираж 500 экз. Заказ № 695.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870,
 г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета
 по печати и средствам массовой информации Курганской обл.,
 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

